

Французская история литературы XVIII в.

политическая форма, старый государственный строй. Но с законами категорическими решенными сойти в полном разрыве вся историческая практика. Это невозможно, да и нежелательно.

Никак нельзя сказать, что С.-Пьер был ослеплен, вышедший театр. Его многочисленный сочинений наполнен, теми срамосудиями, парадоксами, диковинными соображениями, и обличает такую картину однообразности взглядов. Но при всем множестве недоразумений и заблуждений аббата, который вызывали улыбку на лица самих современников писателя, общее направление его деятельности заслуживает внимания: оно типично, как символы времени, и сойти в связи с последующими просветительскими движениями. Несмотря на все многочисленные заблуждения С.-Пьера, всего радозаль господствующее несомненно серьезное и глубоко искреннее суждение. Аббату де С.-Пьеру одних из проповедников гуманности солидарности. Как мы видели, все сочинения его направлены к решению практических общезначительных вопросов, все они имеют, так в виду общезначительное благоосуждение. Наконец в виду проходящих мысли, что одно из главных средств к достижению этого благоосуждения — распространение в обществе научных знаний и просвещения. В XVIII столетии аббату де С.-Пьеру едва ли не первый раз

развивать теорию человеческого прогресса, эту теорию, которая впоследствии приобрела столь много шаркистых последователей и которая была так чужда всему духу средневекового общества, покровителем утвердившего о человеческих непостоянстве и суете жизни. С. Пьеръ твердо разсуждал на чистых знаниях, на поведении, но простое знание общества и осуждалъ всю этого простого, естественнаго, самых блестящих результатов. "Поэты", пишет аббатъ, "попытались золотой вѣкъ во время Сатурна и Венера; они вообразили вѣкъ, въ которомъ человечество жило въ справедливости, чистоте, согласии, доброты и покоемъ счастья; но они неправильно поставили взоръ вѣкъ первобытных и древнейшихъ. На, прозвѣвъ того, царствъ, первоначальныхъ эпохи были вѣкомъ счастья, т.е. вѣкомъ невинности, насилия и злодейства. За ними последовалъ медный вѣкъ, мы достигли вѣка серебрянаго. Скоро наступитъ и золотой!" Вѣкъ разума, но именно де-С.-Пьера, только зачалъ для человечества. Человечество пока еще въ состоянии ребячества, и только передовые люди перешли въ отрочество. Такъ С.-Пьеръ говорилъ, что во Франціи все еще двари. Когда его старый другъ Фронделль спрашивалъ: Сколько же людей въ немъ гаете? — Вамъ десять тысячъ, отвѣчалъ де-С.-Пьеръ своему старому другу. —

Такъ подвигались слабыя запазки времени о прогрессе,

о постоянной капитализации человеческих знаний,
о том наследии научных данных, которое пере-
дается от одного поколения другому и постоянно
увеличивает силы человека в его борьбе с приро-
дой. — Наконец, любезного мистарского аббата де-С-

Тьера лучше всего характеризует за общедушевно,
что он изобрел французскому языку слово *visifai*,
жансе (добродетельность).

В заключение.

Таковы были французские писатели периода, не-
посредственно предшествовавшего эпохе просвещения,
я. хоть бы присоединить к ним еще несколько имен, раз-
вивавшихся в том же направлении и пролагавших
пути позднейшим волнодумцам. Эти писатели больше
или меньше связаны с кардезианскими движениями
и проникнуты глубоким уважением к Декарту.
Сам Бэйль очень высоко ставит метод Декарта и
признавал за ним большое образовательное значе-
ние. Писатели эти выросли на французской почве,
воспитались под французскими влияниями и сошли
независимо от английских волнодумцев XVII века.

Бэйль, напр., вовсе не знал английского языка, об-
звал от нескольких раз с сожалевающим упоми-
наем в своих письмах. Несомненно поедуна,
хоть это, которое бедует без французских просвоти,
деловая идея из Англии. Они совершенно чуждаются

изъ вида чисто французскіе прецеденты просвѣщенія. Они совершенно овладѣють духъ вниманія, поговѣ, воспринявшую эти идеи; условия, подготовившія ихъ при, ель, и дѣлзелей, самосоздательно разработанныя въ зольме тне направленіи. По крайней мѣрѣ далеко не все французское просвѣдительское движеніе можетъ быть отдѣлено изъ вѣдомствъ англійскаго вліянія. Сверхъ этого вліянія были несомненно самосоздательныя думельныя прецеденты французскаго просвѣщенія, на которыя необходимо должноеть обратитъ вниманіе историкъ культуры и словесника. Теперь только слово о вліяніи Англій.

Вліяніе Англій.

Въ учебникѣ англійскаго вольнодумства мы безразлично при характеристикѣ самихъ преній французскаго просвѣдителя. Теперь я ограничусь зольскою отпутью указаніями на связи Франціи XVIII столѣтія съ Англійей и на признаки наплава идей изъ за моря. Въ теченіе всего XVIII вѣка, начиная приблизительно съ 20-хъ годовъ, Англійя съ своими философами, учеными, литераторами, государственными дѣятельными и учреждениями, привлекала особенное вниманіе и особенная симпатіи со стороны французскихъ образованныхъ людей. Благодаря нѣкоторымъ условіямъ нѣсколькой исторической жизни (именно — благодаря нѣк-

шей розни и жесткому антагонизму между обществу-
 ными классами), в Англии идеи рационализма верну-
 тали в своем развитии жесткое сопротивление со сто-
 роны власти ^{Общественности} ~~предержавных~~ и господствующих классов.
 Всплеск этого произошло то, что эти рационалистиче-
 ские учения в Англии были раньше сформулированы,
 раньше приведены в систему, только во Франции. В то
 время, как во Франции рационализм выразился в
 ряды попыток, осторожных нападений, озривательных
 нападок то на эту, то на другую сторону господствовав-
 ших понятий, в Англии XVII-го столетия и самого
 начала XVIII века он обратился в целую систему,
 в сложное учение, которое не ограничивалось фрагмен-
 тарной критикой существующего, а выработало опреде-
 ленный самостоятельный отношения ко всем глав-
 ным вопросам философии, морали и политики.
 На этом поприще действовали Локк, Шотланды,
 Коплинс и другие мыслители, которых уже в са-
 мом начале XVIII столетия стали называть в Англии *вольными мыслителями*
 (*free thinkers*). Воинственная этика писателей и сочинителей
 предвзятых изысканий со стороны образованных людей
 Франции. В них они находили определенные
 формулы, схемы, программы для своих содейственных
 критических суждений, для своих содейственных за-
 мыслов и содействий. В книгах английских мысл.,

идей началу рационализма высказывались просто,
 прямо, без уловок. Но, что во Франции во начале XVIII
 столетия стало во видъ скептических порывовъ, дога,
 дога, отдельных остротныхъ соображений, — то самое
 по другой стороне Лаплатта получило уже болъе
 законченную, болъе строго форму мысли и философ.
 ского учения. Въ зрелые английскіе теоріаль и обра.
 щались французскіе просвѣдители во первую полови.
 ну XVIII вѣка, да и вообще образованные люди, — какъ
 къ схемамъ, формуламъ и терминамъ для вырази.
 тель соответственныхъ суждений... Облишение моды XVIII
 вѣка съ Англійей проявилось во-первыхъ во изученіи
 английскихъ мыслителей и литераторовъ, во-вторыхъ
 во путешествіяхъ во Англійю, которая во XVIII столетіи
 были во Франции такъ же въ болъе моды, какъ въ
 Германіи путешествовать во Италию. Почти все фран.
 цузскіе просвѣдители XVIII столетія охотно знали
 английскій языкъ, а такъ-же изъ нихъ свободно на
 писали. Болъе всего французскихъ просвѣди.
 телей побывало во самой Англійи, шло замъ, при.
 спазривалось къ заповѣдному порядку, правамъ и
 президентства. Бзду въ Англійю едлалась мода,
 которая проникла даже во верхніе, аристократиче.
 ские кружки. Тутъ вы были? спросилъ Людовикъ XV,
 увидавъ графа Лоране. — Я пздилъ во Англійю, Ваше

Великобритан. — Это вы заглавье сделали? — учился мыслить...!

Таковы были общий озноменней французского про-
свещения к Англии. Св. разумозрания и подробное зрание
связей мы познакомились при разборке оудительных
звлений французской просвотительной импературы. Нужно
замечать, что влияние Англии главнейше образовало одна,
руководящая во первую половину столетия. Во вторую
половину XVIII века, какъ увидимъ впоследствии, про-
исхождение уже образное: французское просвотительное
учение вполне сложилось и во свою очередь воздвигло,
сверху на английскихъ писателей.

Масинготъ и д'Армансонъ.

Мемуары герцога де Сент-Симона ясно откры-
ваютъ, какіе насильственные перевороты имела въ
виду болшая часть дворянства после смерти Людо-
вика XIV. Справедливая книга графа Boulainguiere, Histoire
de l'ancien gouvernement de France, avec 14 lettres au
des Parlemens ou Etats généraux,²⁾ которая вышла въ
Лондонъ ^{Лондонъ} 1722., служитъ эпохою жизни года,
заключенной напоретий и суровлений феодализме,
скою пародии. Графъ Буленвилла (1658-1722) писалъ
памфлеты феодализму и насильственной пово-
рени галловъ. Но подвинуло и величавый опровер-
жения зрима псевдо-историческимъ бреднямъ. Теорія
Буленвилла опровергнута Дюбо (жившимъ съ 1670 + 1742)

1) А. Масинготъ, стр. 36.

2) История старого управления Франции, съ 14 писемъ-документами
о востановлении провинциальной судимости (генеральныхъ штатовъ).

Во «Крижисской исторіи водворенія французской ко-
парціи во Галліи» и президента Тено (Henault, 1685-
1770) написана «Хронологическое сокращеніе исторіи
Франціи», до сихъ ^{поры} считающаеся классическимъ. Но
самое важное было то, что прозвѣвъ ретроградной
парціи вслѣдствіе не менѣе дѣйствительная парція про-
гресса.

Представительныя духовнаго красноречія во эту
1663-1742. эпоху были, уже упомянутый, Масильсонъ⁴⁾. Онъ род.
въ 1663 г. въ Тьеры, гдѣ оцъ его былъ юзариусомъ,
сынъ обучался въ тамошней семинаріи и окончилъ
курсъ въ Марсели по философскому факультету, потомъ
вступилъ въ духовную конгрегацию ораторіанцевъ и
былъ отправленъ въ Пезенасъ, для преподаванія тамъ
словесности. Въмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ онъ былъ говорить
проповѣди въ городкѣ Лезиньсакъ, гдѣ миссионары не
цѣнили его ораторскаго дарованія, находя, что онъ ма-
ло приводилъ цитаты, а срабаея высказывалъ свои
словами. Въ 1689 году, начался возмущеніе въ кон-
бризонъ для лекцій риторикки. Въ одну изъ поездокъ
въ Паризь, познакомился онъ съ Буало и имѣла
съ нимъ жаркій споръ о томъ, что Христіанству не
должно имѣть театральности пьесъ? Это доказывалъ
всѣмъ тогдашнимъ строгимъ идей Масильсона. Кризонъ
онъ не любилъ тогда даме духовнаго красноречія,

4) Massillon

стижая себя богословомъ и философомъ. Генералъ ораго,
 римскаго ордена послалъ его читать лекціи богосло-
 вія въ вѣннскую семинарію. Тутъ обнаружилъ онъ
 довольно свѣзкій наклонности къ прекрасному слову,
 какъ это его хозяинъ уже некогда изъ семинаріи.
 Но здѣсь же отъ италіи случилъ произнести два над-
 гробныя речіи и италіи блестящій текстъ; генералъ
 ордена хозяинъ его вызываетъ въ Паризъ, но Масингони,
 боясь, чтобъ текстъ не повредилъ спасенію души его,
 скрылся въ монастырь, гдѣ вель сажу суровую жизнь.
 Однако онъ пробылъ тамъ не долго. Кардиналъ Ноайль
 писалъ о чемъ-то къ настоятелю этого монастыря, а тотъ,
 желая выразить ему благодарности, поручилъ написать
 охвату Масингону. Кардиналъ, получивъ писмо, уди-
 вился прекрасному слогу и спросилъ: „кто это напи-
 салъ?“ Настоятель назвалъ Масингона. — Не надобно
 допускать, чтобъ какой талантъ пошелъ безъ пользы,
 сказалъ кардиналъ и перевелъ его въ парижскую
 семинарію, приказавъ замѣрять сочувствіемъ пропо-
 ваней. Прослушавъ речіи тогдашнихъ знаменитѣй-
 шихъ проповѣдниковъ, Масингонъ, на вопросъ: какъ онъ
 ему правдѣ? охвоталъ: превосходнѣе, но я бы инакъ
 произнесъ иль“. — Онъ держалъ слово. Въ 1698г., онъ
 говорилъ проповѣди въ Монпелье, гдѣ было много
 прозелитовъ, которыхъ надѣялись образовать красно.

рогель въ католицизмъ. Однако обращенныя не
 оказалось, и его возвратили въ Парижъ для проповѣдей
 во время поета, въ церкви орагоріанцевъ, въ дѣлицѣ
 Св. Анне. Это были народный дѣлоръ Масилсона,
 и самый Глицеделъманъ. Въ прозелитъ и скроутиль
 видоу, збуниль и кроужиль голосиль, отъ восхизиль
 ветиль сдмахельай. Масилсонъ говориль и придворе,
 гдѣ понравиль королю. Этого было довольно зѣда для
 прославленья. Масилсонъ былъ придвориль проко,
 вѣдилькой съ 1701 до 1704 г., но высше духовенство и
 г-жа Мензеновъ представили королю, что надобно
 дать дорогу и другимъ заманцаль, и приказали ками,
 две два года перелтъндуръ придвориль свѣценниковъ.
 Младовиль после 1704 года не слышаль Масилсона
 въ ожалъвиль зриндцаръ мору своего царевованиль.
 Сдаль говориль о свѣзи ораора съ г-жею Лопизаль
 и до еякой кончины короля Масилсонъ не былъ
 произведенъ въ епископи. Масило регенство, и
 бѣтъ опальные при дворѣ явилель въ блескѣ и почѣ,
 сдиль. Въ 1709 г. Масилсонъ произмель надпробиль
 риль надъ принциль Конци, а въ 1711 г. надъ пра.
 холъ дофина. Наконецъ при нашилдѣ по Модо,
 виль XIV, отъ сказаль проповѣдь на зекеръ ирауци
 Соломона, нагитаночурель словами: „Вдиль Богъ ве,
 миль — о бразиль мой!“ Регенръ возвелъ его въ санъ

Клермонцкаго епископа, а потомъ заставилъ сказать проповѣдь девицѣ-искушенику королю. Въ 1719 году, масилье, оны были избраны членами Французской Академии и проводили еще цѣлый годъ при дворѣ. Въ 1720 г. оны постоянно жили въ своей епархіи и занимаясь одною администраціей. Обѣзжати разные города, оны подверглись въ Рюмъ болѣзненной опасности. Въ приходной церкви пастеры показывали народу какое-то чудо, совершаемое монахини Аннадя. Масильеону показалось ихъ дѣйствіе подозрительными, и оны хотѣли ихъ обнаружить, но народъ, предупреждаемый духовенствомъ, возсталъ и хотѣли убить своего епископа, обвиняя его въ сдѣрогахъ, събы. Вооруженная сила спасла его и позволила ему продолжать обѣздки. Во время другихъ церквей оны уже слѣпо вѣрили всему ложному чудесахъ. Оны умерли въ 1742 году, на 20 году, завѣщавъ все свое имѣніе Клермонцкой богадельнѣ. Въ духовной своей говорила оны: „умоляю Господа, чтобъ Оны прекратили пошлостное несогласіе нашего духовенства и возстановили миръ въ кадомъ церковной“.

На всегда охраняетъ достоинствомъ заслужено Ма, силтона, что оны — Фроузъ прославленный проповѣдникъ — воспользовался каждымъ, тогда (совершилъ королю ~~царю~~ Людовика XIV) служилъ постоянными оди, и цѣлитель королю соборы. Еще Людовика XIV догетель были

сказал, как Масильонь проповедовал, то, хотя
 мезуриемский сватар его хвалил, благодетель его заво-
 еваний и подъя, что, напрозвув зого, евангелие сѣ-
 дмъ неподкупитъ. И Людовикъ XIV сказалъ ему: Я
 слышалъ много знаменитыхъ проповѣдниковъ и
 былъ ими очень доволенъ. Когда же я слушаю васъ,
 овецъ Масильонь, то великій разъ не доволенъ самимъ
 собою." Впрочемъ и Масильонь мезрилъ королю въ
 проповѣдьяхъ. Турдалу объявилъ, что явилъ, то явилъ,
 съ прельститъ ему, жозорый превзойдетъ его. Боссуа
 не съ такого похвалого озовалъ о немъ; отъ на,
 шель въ немъ хорошаго оразора, но не мислилъ.

Какъ уже знаемъ, регенъ заставилъ Масильона
 сказать проповѣдь девдзи-мозжельу королю. Это
 была очень зрудная задача, чтобы говорить помяну
 для ребенка, сохраняя церковный оборотъ речи. Эта
 обязанность возложена была на Масильона во весь
 великій поезъ — и десъ проповѣдей, сочиненныхъ
 имъ въ это время и изданныхъ подъ названіемъ:
 "Petit-Cacéme", создавающъ его лучшихъ произведеній.
 Магаръ говоритъ, что хотя они писаны для ребенка,
 но вполне помяну для каждаго и содержатъ въ
 себѣ цѣлый курсъ нравственнаго.

Извѣстно, какіе упреки Масильонь есталамъ учер-
 шельу королю, славу жозораго отъ сравнивалъ съ

У Маленский поезъ

^{государей}
 вередомы, распространяющими зловъ заразу и сядь;
 но гораздо великолонтые были зъ его урентий, которыски
 отъ сфарамсь безопаснъ сфрантъ мурнее будуще. Уре,
 нитъ, происходившия оуъ Алджерона, Албстертона
Сидней (Algernon Sidney) и Локка, раздаюзея непосред,
 сзвенно передъ пресзолантъ. „Государь (Sire)“, говориль
 Массингтонъ, „свобода, которую ^{государь} князья ^{государь} должны своиъ
 или которого князья ^{государь} обязаны своиъ народамъ, это
 — свобода законовъ. Дл Васъ нтаръ никакого другаго
 сядь, крокъ Бога, но законамъ прихадилъ болше
 власи, нежелт Васъ самилтъ. Вы не царсзвуете
 надъ рабамъ, Вы не царсзвуете надъ свободнымъ
 и храдрымъ народомъ, ревнующимъ свою свободу закъ
 те, какъ свою вярноеъ.“ — —. Вы зомско слуга и пер.
 вый исполнителъ закона (vous n'êtes que le ministre
 et le premier dépositaire). И въ другоу проповяди
 Массингтонъ говоришь: „Государь не игонъ, которий сдтъ,
 лали народи, тогда ему поклонязея, онъ — хранителъ
 и сфорозиль, которий — повзавленнйи первилми — должнеиъ
 нтъ зашицазея и охранязея. Государь не безноледнве
 боги, инытонце глаза, а не видилце, — ззыкъ, а не го,
 бордилце, руки, а не дтъсзвующие; они должны давазе
 или прилиторъ и руководязе или. По повелонью Бога
 народи избрали князей — государей; вслвдствие зтого со,
 судари должны жить исключително дл народовъ.

Государь, избраніемъ народа случилось, что впервые скипетръ переданъ въ руки Вашихъ предковъ; зѣло согласіемъ народа стало королевство пофемезвенскому. Стало-бысть, зѣло какъ первыиъ изобрѣтателю королевской власти - мы, го короліи должимъ пользоваться зтого властью зѣлоко на нашу пользу."

Потѣ закинулъ насъроеіемъ умовъ, зѣло-мъ живое разбирающае вопросы конституцій, которые уже возбудили Френелотъ. Въсь согласны съ необходимою ограниченіемъ королевства.

Могарть подробнѣе другидѣ разбирали сочиненія Массилтона - и въ воезрѣтѣ оръ мнѣ. Онѣ прозваны его Рассинотъ катедри и Цицеронотъ Франціи. Да, дае Волзертъ восхвалялъ его и мнѣ-мъ его сочиненія всегда у себя на сѣлѣ. Зѣли похвалы повредили Массилтону въ зѣлопошестескомъ озноменіи. Вознавадег въ високомъ его оразорскомъ талантѣ, многіе современики находили, что онѣ уже слишкомъ много идей заимежовалъ изъ своего века. Цирекавогъ его, что онѣ (въ 1720 г.), изъ угодливосзи къ принцу-регенту и къ Дюбуа, согласился на посвѣщеніе по, слѣдѣно въ Камбрѣйскіе епископы, но мудро было прозвѣнѣся главѣ государства? Массилтонѣ сѣра, рался приипрѣе партии французскаго дубовенерва, ссорившійся изъ-за булла „Unigenitus“, но сѣратид

его были безуспешны. При жизни Массимона издавать
были только одни только проповеди его, которые вошли
еще под надзаглавием Замовь.

Русские переводы: „Духъ Массимона, или мысли, избран-
ныя изъ звореній о размышленіи предъмерахъ нравственности
и благочестія“, пер. съ фр. Свѣщ. Александръ Белковъ. М.
1808, изд. 2-е исправленное. 1822. Доказательства прокувы
враговъ веры, въ утверждение истинныя, въ посправление
буйныя и въ сугубую пользу всякъ любящия свѣду
истины и благочестія, пер. Мих. Вышеславецъ. М. 1802.
Избранныя слова, говоренныя въ присудствіи королей
Младовика XIV и Младовика XV и др.

Значительнейшимъ изъ последователей аббата Сен-
Пьерри былъ René Louis de Voyer, Marquis d'Argenson. 1694-1757.
Онъ родился 18 октября 1694 г. въ Парижѣ. Какъ офицеръ
самъ служилъ въ государственной палатѣ, онъ рано достигъ
высокаго государственнаго должностей, съ 1720-24 гг.
онъ былъ интендантомъ въ Темелану. Но школа государ-
ственной службы сдѣлала его еще больше противъ
царельства.

Сочиненіе его „Considerations sur le gouvernement
ancien et présent de la France“ („Разсужденія о правленіи
и нынѣшнемъ управленіи во Франціи“, 1739 г.), чрезъ
выскаито замѣчательно по своему направленію. Оно распро-
странялось, какъ почти все важнѣйшія сочиненія

2-ой эпохи, сначала в рукописи; напечатано в 1764 г.
 в Амстердаме; исправленное издание вышло в 1774 г.;
 но искаженное рукою сына, ухранившего по воз-
 можности весь разнос. События поручать рукопись
 находится в библиотеке Лувра. Сенж-Тёва в своих
 "Causes du Lundi" (т. 12, стр. 72 и сл.) составил по-
 тупельное-интересное сообщение об этом сочинении.
 В своих мемуарах д'Армансон говорит, что это
 хочешь скрыть до основания преграды, козоров дворца,
 сего воздвигло между королевы и народом, и коро-
 левскую власть укрепило и утвердило на освобождении
 и усилении народа. Голландия и Швейцария были
 тогда самыми свободными государствами на свете, и
 по наблюдению д'Армансона, — самыми счастли-
 выми и самыми богатыми. Описание Робина совер-
 шенно согласно со словами д'Армансона, который
 называет Францию шиллицей пурды и болтовней,
 наружный блеск козорого плеча скрывает внут-
 реннее гниение. Тут-же гниет начало зла?
 Виноважа во всем не одна королевская власть, а
 высокомерие аристократии, которая злоязычно надъ
 ехрала, какъ корыстолюбивая газраия. И король и
 народъ в одинаковой мере видны, в этомъ озна-
 чении, в аристократии враги. Народъ не можетъ
 усиливаться до злого поря, пока аристократия будетъ истре-

Безоудержно власть давить его; король же только тогда
 может быть могущею и сильным, когда за ним —
 народъ замиротный и сильный. А подоба надъ армеею,
 крашею возможна только, когда король ринувшей даръ
 народу право свободной самодержавности и самоуправ.
 ления. „Какая идея, восклицаетъ авторъ, „можетъ быть
 величественные республики, находящаяся подъ защитного
 короля? Республика сама по себѣ есть зало безъ головы?.

Свирь-Тевъ замечаетъ, что книга д'Армансона
 должна бы имѣть какое заглавие: „до какой степени
 выдвину монархия можетъ допущена демократія?“
 Руссо, изданный еще не напечатанною рукописью упомя.
 нутаго сочиненія д'Армансона, хвалитъ¹⁾ въ д'Арман,
 сонъ сердце изумительнаго фразданства (le coeur d'un vrai
 citoyen) и его здравый и народный суждений. Когда
 это сочинение появилось въ печати безъ имени автора,
 все стали приписывать его Руссо.

Д'Армансонъ, назначенный въ 1742. министерства
 иностранныхъ дѣлъ, принималъ живѣе участие
 въ французскихъ смущеньяхъ; для усмиренія ихъ ему каза.
 лось савать лучшимъ средствомъ учрежденіе свободнаго
 союза государствъ по образцу Швейцарии, Нидерландовъ,
 или по крайней мѣрѣ германской имперіи. Въ февраль
 1747. онъ былъ уже уволенъ отъ службы. После оздравивши
 онъ жилъ до въ Парижѣ, до въ помѣстьяхъ своемъ Вегре (Segrès)

¹⁾ въ своемъ „Contrat social“ (Кн. 3, глава 8).

у Армансона (Aranson). Какъ президе, законъ и генеръ онъ мобилъ особенно англійскую литературу, ради ея здравало смысла, какъ онъ обыкновенно выражался. Но онъ принималъ все худочайшее учасіе въ политъ, жизнь. Тогда онъ въ 1756 г. прочелъ „Code de la Nature“ Морелли (Morelly), который зредуега совершеннаго наденія — низверженія озноченій содубвенности, зо онъ назвалъ это сочиненіе книгою кинтъ и предпозиталъ ее даме Монжескѣ. И не менше радоезна онъ привозъ, съзобалъ „Discours sur l'inégalité“ Руссо, хотя онъ самъ высъзобалъ въ соисканіи зой шя преміи при академіи въ Дисмонтъ, а Руссо вышелъ сразумивши подѣлу, дурелель. Д'Армансонъ намъревалъ нарисать болъ, шое сочиненіе: „Les loix de la société en leur ordre naturel“¹⁾ въ которомъ онъ хотѣлъ существующее измѣнить масизаболъ вѣчныхъ правъ челоукоества, но окончаніе этого сочиненія прекратилось смертью автора. Д'Армансонъ умеръ 26 января 1757 г.

Д'Армансонъ имѣлъ много противниковъ, но никто не сомнѣвался въ шезозѣ его губевъ. Волтеръ, старый другъ тоносѣи д'Армансона, пишетъ въ одной писемъ къ герцогу Ринелгѣ, 4 февраля 1757 года, совершено верно, что д'Армансонъ правилъ французскимъ министерствомъ въ смыслѣ сязез-секретаря Плазатовской республики. Волтеръ сравниваетъ его съ

¹⁾ Законъ обществу въ нѣ естественномъ порядкѣ.

Арменсонъ. Цель суждений д'Армансона была — уменьшение политическаго порядка и ограничение привилегій дворянства посредствомъ конституцій и равнопартнаго распределенія налоговъ. А что народъ почиталъ охъ чрезъмерныхъ налоговъ, это доказываетъ самъ д'Армансонъ, говоря въ своей книгѣ:

«Вокругъ, при совершенномъ мирѣ и хорошемъ урожае, люди умираютъ тысячами, какъ мухи, потому что имъ нечего есть кромѣ травы. Въ городѣ Шазельро изъ герцога двести тысячъ нищихъ — восемьсотъ нищихъ. И надъ этими несчастными иудейскими злодѣями неумолимаго строгостя уголовного закона, опредѣляющаго за самые маловажные проступки — плети, тюрьму, смерть. Мнѣ известны производимыя продажными судьями, самое беззастѣдливое злоупотребленіе правомъ — захватывать всякаго, кого вздумается.»

Самое злоупотребленіе правомъ образованнаго въ благо государства все болѣе и болѣе углублялось и распространялось. Маркизъ д'Армансонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ о клубѣ, въ который онъ поупилъ въ 1724 г., но который существовалъ уже раньше. Этотъ клубъ ясно свидѣтельствуетъ о новоначалой политическаго энциклопедіи. Это члены были поистинѣ дѣльные, какъ прежде всего (Сенъ-Пьерръ, и старые опытные государственные люди — политики, имѣвшие частно чинъ очень высокая должности и посольства, маркизъ Болингброкъ (Bolingbroke)

У изданнаго въ Парижѣ 1725 г. стр. 230 сл., 247 сл.

находился въ высшей степени съ нимъ. Этотъ клубъ назывался обыкновенно Le Club de l'Intérêt, потому что онъ помещенъ былъ въ антресоли дворца президента Эно (Hénault) ¹⁾ у площади Вандома (Vendôme). Вліяніе этого клуба на общее мнѣніе было значительное. Не мудрено, что кардиналъ Флери (Fléau) его закрылъ въ 1731 г.

Однимъ изъ значительнѣйшихъ членовъ этого клуба былъ маркизъ д'Арсмансонъ. Уже изъ его "Разсужденій" (Considérations) видно, что предметъ времени ильнѣе звердого цѣлью — ограниченіе королевской власти и притупленіе двора ильнѣе возбудившимъ строемъ правленія и равнымъ распределеніемъ налоговъ. Сремленія Френелона и Массильсона повторяются, но уже вѣнны и сознательнѣе.

Это — благородные и благонамѣренные люди, великодушные друзья челоовечества, защищавшіе права народа. Бущиция волни зѣль угрозы поднимутъ, чѣль насмѣзвенные озвѣнлятъ иль. Это ближайшѣе будущее дало не только Локкескѣ, но и Руссо, да же социализмическіе зачатки, въ зѣль виновато за обездѣльство, что упорно придерживалось старого, озвѣншаго.

Такиль образотъ изъ зрѣль зеченій: свѣзскаго скепцизма, научнаго раціонализма и угенной кризиски,

1) въ Белогородѣ

2) или "Тено"

образовалась одиной неустойчивой поэзией.

Упадок классицизма и переворот
сафари в поэзии.

Поэзия.

Упадок велье родов искусства составляет самое замечательное общее явление первой половины XVIII века. Искусство шло тогда только фрустрирующего тизиса, под-держивавшейся модой и восторженностью; оно сводилось к механическому применению изобретенных правил, сделавшихся произвольными, поэтому что никто не понимал больше заключаемость в них художеств, вентала смысла. К концу царствования Людовика, когда слава и блеск измывили великому королю, стало клониться к упадку и чисто классическое на-правление французской литературы. Уже в послед-ние годы его долгого царствования начала зарождаться как политическая, так и литературная оппозиция против господства теорий Буало и преобладания квази-возвышенного вкуса самого короля и придворного от-цества. Превращение классических идеалов, который, отличаясь вообще односложностью, принимал все более оледенелая формы, со временем перешла кончилась первая славивших ему великих поэтов, вырази-лось, однако, не в каких-нибудь сафари, эпиграм-мах и остротах, бывших, особенно в году во время злополучной войны за испанское наследство, но в

сознательно определялись литературными тенденциями. Скрытая оппозиция против короля продвигает законы и в поэзию, что, вопреки религиозности, Хюль и канцлерской, но пользовавшейся сочувствием Людовика XIV, сcribes, но, губительное направление извне, частью французской литературы было возмущено обидчивостью ее полными сочувствием, хотя наибольшее сильное развитие этого направления было дано уже следующего поколения.

Ни у Корнеля, ни у Расина, ни у Мольера не было нисколько заимствованных последователей; возникающие новые роды поэзии: сакура и сакуруеский романс. ^{Крайне} На самом деле удивительно, что род высокопарный слог, который носил гордое имя классицизма, так быстро перешел во Францию. Лафоссе (Lafosse) и Лагранж-Шансел (Lagrange-Chancel) придерживаясь, тем, конечно, старых форм драммы, но подвизаясь оживленным духом. Кредиллосе, самый выдающийся шведский драматик этой эпохи, получил у французов название Узнаемого-Урознаго, потому что он, как все плохие драматисты, ниже драматического в поэзии, делалось и лирическим; Корнель, по его мнению, описал небо, Расин — землю, и так, ему охватил только описание ада. Прелесть всего исчезла поэзия. Спор о древнем и новом искусстве возгорелся снова; это было первым событием в литературной

жизни XVIII века. На долгие годы коснулся Тюдара де Ламозза и его идеи.

Antoine Lottin de La Motte, родился в Париже 1672 - 1731.

в 1672 г., сочинил оперы, трагедии и комедии; его Fines de Castro имела большой успех в 1723 г. В 1707 г. он издал свои Ode, (а в 1719 г. - Басни); в 1714 г. по-

явилась его Илиада, которую он защищал в сочинении Разсуждениях о критике (Reflexions sur la critique). Напротив, его Fines de Castro имела большой успех в 1723 г. Он был очень близок с Фронзельем и М-м де Ламберт и очень ценился герцогиней дю-Аэн. Он умер в 1731 г.

Этому, упомянутому выше, как словесник Лам, критически отзываясь Тюдара де Ламозза, "другу Фронзеля и одному из ораторов философского салона мадам де Ламберт", вздумалось - как мы уже знаем - в 1714 г. перевести с языка Илиаду. Этого хотелось отмаршировать на знаменитых прихотях законов прогресса и воз, напорил перед глазами Илиаду какими образцы, как будто бы она была написана Гомером в 1714 году. Воз, что они думают! Это исправляет характеры богов и героев, иль грубые похвасы и драммы руги, обилие описаний и изумительных повзрений, - словом все, что могло шокировать нравы, чуждое и вкуса просвещенного века. Усовершенствованная какими образцы

504
Млиада свелася кь дванадцати тысячамъ; изъ нея было
выкинуто все, что дѣлало глуповольно, колоритно
и поэзій. Вместо этого Токеръ де Ламозза являлся
галантнымъ и остроумнымъ; его дѣлалъ какъ бы
нарочно созданъ для Бѣлыхъ Могей въ Тесамъ (Со).

Гударъ де Ламозза плохо зналъ французскій языкъ
и работалъ надъ переводомъ сѣмлантскихъ въ прозу
этого Дасе (madame Dacie), — переводомъ знаменитымъ,
доброговѣстнымъ и поэтически оумоившимся къ
подлиннику. М-ме Дасе была скандализирована
этой передилкой и разгромила де Ламозза въ своемъ
«Причинахъ извращенія вкуса» («Causes de la corruption
du goût»), признавая, впрочемъ, за своимъ прозивъ,
никогда преимущественно въ уртиное. Но она даже
не пыталась въ этомъ, чтобы привлечь на свою сторону
ку публику, какъ какъ она являлся выражениемъ
едь содѣланнымъ скривомъ суремленій. До какой сте-
пени уже распроурамилъ унадокъ хорошаго вкуса.
Не мудрено, что земель въ сущности вѣдъ поэзій была
мерзвородительной; она не могла жить въ аэмосъ,
фертъ, созданной для нея философскимъ разумомъ.

Де Ламозза подражаетъ, въ извѣстномъ смысле, Терро;
но не просто повторять его; онъ идетъ дальше него.
Въ сущности онъ возмаетъ не прозивъ древнихъ, а
прозивъ поэзій. Поэзій прозивна разуму. Дѣйствительно,

Французская теория литературы XVIII в.

она складывается из двух элементов: из рискованных уподоблений и из сривов. „Она заставляет поэта“ по мнению де Ламурра — „упреждает огромные усилия, чтобы выраспался естественно и недено. Она насильствует своего мысль, искажает ее и заземляет, темая украсит ее образами; она уродует ее, калечит и извращает, поднимая ее формы стиха, размеры и ритм. „Уинь геловькк“, Тударь де Ламурра, не может досадочно на, дивится на „слепоту сторону того, что люди изобрели специальное искусство с целью лишь себя, возможно, сии зогно выражать свои мысли“. Не лучше ли было бы для них озадачь при одной прозе? „Проза“ по мненью де Ламурра — „говорит прямо то, что она хочет сказать, и возе вь челье яя преимущественно“. Самые лучшие стихи всегда подобуются перогнаседли, неправивьтоседь, ни и недополвкамн; вь своемь идеальнo совершен, ноль видь стихи должннв бытв яснв и зогнв, какъ проза; почему же вь закомь слугать не такавд исадь прямо прозой? Велюдсвие згого де Ламурра и нинера драгедн и одв прозой.

Какъ видно, Тударь де Ламурра говорит о поэзии какъ те, какъ слепой говорил бы о цветахъ. Его теория доказывает абсолютное непонимание лишь поэзии, которую онъ сводитъ къ одной искусственной формь. Почему же менее можно признать за нихъ справедливоседь

что онъ выводитъ изъ поэзии лишь зогнв зра. нидь подбзв

по отношению кь зору времени и зтымь обходжесывалъ, при которомъ они писалъ. Такъ какъ тогда не было ни поэтовъ, ни артистовъ, то не лучше ли было на самомъ дѣлѣ оставить безорочнъ сужилъ и художествъ, нѣдъ формы и писавъ прозой, хорошей и оживленной прозой? Де Ланозъ полагалъ именно такъ, и его другъ Фронселла вполне разделялъ его мнѣнiе. Они мнѣли на своей сторонѣ Шюбле и Террасона; мало того: они мнѣли за себя Дюкло, что было важно, и на, наконецъ, они мнѣли за себя Монжескi и Тюффона, что было уже очень важно. Оба зрѣли великимъ зра порицали поэзию, поэтику что, не будучи поэтами, они не видѣли въ сужилѣ никакой надобности; во, крѣзь же себя они видѣли людей, которые занима, лись сужилорочениемъ безъ всякой нужды и для которомъ было бы гораздо лучше писавъ прозой.

Впроселъ это воззрание - зра вражда ^{прохиль поэзии} очень старин, ное и очень новое. Извѣстно, что уже въ древности Платонъ воззралъ прозавъ поэзии; но зтымь не мѣнѣе они изложилъ свою философию въ поэтической формѣ, въ диалогамъ. Въ то время было вообще примѣдо изложити и научныя изслѣдованiя въ сужилѣ. Но зреникомъ Платона, Аристотелъ, писавшiй впервые прозой и со, сзавлѣвшiй впервые, такъ сказать, зредити, зацциналъ прозавъ своего учителя поэтико, доказывавшiй, что она -

1) Дюкло (1704-1772) написалъ "Секретные письма о царств. ваннъ Людовика XIV и XV", "Медорито Людовика XI", "Разсуданiе о правдѣ".

поэзия — искусство чуждо кадрам, т.е. очиснение челова,
 геских сфрасей. Во новийшее время изводець какъ
 прозваниць сзубовъ великий ржеский писатель графа
 Левъ Толстой. Сзало-бавъ, идея де Ламозза не совсаль
 новая и не неслабятная. Однако она слишкомъ
 шокировала чисзвенныхъ привички хорошаго обще-
 ства, для зого гтобы искусство устало. Ламозза навлекъ
 на себя массу возражений, между прочимъ одъ Ласфайн
 (de la Faye) и послание Ламоссе (la Châussée), не гово-
 ря уже одъ эмиграцияхъ Мана Франсуа Гуссо. Но
 человакомъ, доздравившимъ побиты сзубаць и нанес-
 шимъ окомгазельное поражение дельу Гудара де Ламозза,
 былъ Волзерж, одинъ изъ величайшихъ чловъ зодамъ,
 ней Францин. Это служилъ однимъ изъ прекрасней-
 шихъ приговоровъ исчанаго влияния на разбие мже,
 рацурн. Волзерж, благодаря своему обязательному члу,
 своей убедительности, блестящему таланту версифика-
 зора и великодушию своимъ первымъ поэма, заеца,
 былъ признанъ Георин Гудара де Ламозза за парадок-
 сы, не имевшие никакого значенія.

(Переходная эпоха).

Быстро однимъ за другимъ генеръ стали возникать
 ситъшантные роды поэзи, которые никакъ не уклады-
 валис въ узкия рамки классической поэзики. Сюда
 относился, во-первыхъ, возникновение комической оперы

и водевилей. Но, выходя из жалости, и едва устоявшие от
 соблазна элементов трагедии и комедии искали нового
 соединения в форме наз. „губезважентной или слезливой
 комедии (Comédie larmoyante)“. Первый основоположник,
 наставивший своего литературного дельца в последние
 годы царствования Людовика XIV, Филипп Верико
 Дежюиль (Ph. N. Desfontaines, 1630-1754), когда мы уже
раньше коснулись, подчинил комическую сторону
 не столько серьезному или моральному элементу
 в них и в своих „комедиях характеров“ не зная,
 ко вождю должно английской комедии, но и заим-
 ствовал из нее некоего черта. X

1668-1747. Главными законодателями писателями в эту
 переходную эпоху были Alain René Lesage. Он ро-
 дился 8 мая 1668 года в Сарзо (Sarzeau) на полуострове
 в Ренне — в Бретани и уже в ранней молодости
 невольным опекунством потерял свое состояние, что
 и заставило его жить своим пером. В 1692. он
 переехал в Париж изучать право, был принят
 в корпорацию адвокатов и женился в 1694г. Ни-
 чего до сих пор не подвергается легенды, уверения,
 давшей, что он служил в ^{Paris} охранять. Он писал
 ради заработка. Он работал для Армадорных теат-
 ров и для издательств, издавал романы, перевод-
 ные или заимствованные с испанского, или же

внутреннее испанскими авторами, — а также различные сборники стихотворного содержания. В 1743 г. он удалился в Булонь-при-Морь (Boulogne sur mer), где у него были сын каноник и дочь. Он довольно рано ослеп и умер 17 ноября 1747 года в доме своей дочери.

Ласкари начал комическими операми, комедиями, а также по испанским образцам («Макаганский изгнание», «Слуга соперник») и переводами испанских романов «Диктан д'Алфарахе» и «Pseudo-Tom Quixote» Авелланеды (Avellaneda), — но не составил успеха.

Главная, лучшая и даже, можно сказать, единственная комедия Ласкари — «Turcaret» (Paris, 1709), сатира на капиталистов и генералских охотников. Это образец драматического реализма. Авантюристка баронесса, грабительница охотница Пьеркарэ, кавалер, грабитель баронессе, лакей и слуганка, грабитель баронессе, кавалера и Пьеркарэ, новый Рафлес, полагавший Пьеркарэ в самом беззастенчивом милом, срыве и самом безнадежном грабеже, вот как лица фигурируют у Ласкари, срисованный прямо с природы и иногда даже более правдивый, чем сама действительность. В лице Ласкари впервые проявляется тесский реализм; Ласкари вкладывает в уста грубого, наглого и ^{аиста, прохвостика} щеголишного Пьеркарэ слова,

(Ч Estabonillo Gonzalez и т.д.)

вызывающія невольный прозеца, слышныя и бичую-
щія слова, въ козоровыхъ обмороживающахъ сатириче-
ской наблюдательности абзора: въ знаменитой сце-
нѣ, въ козоровой Радле отдающахъ ордецу Шюркара въ
возломанномъ на него порученіи, послѣдній про-
износитъ слѣдующую фразу, полную комической
наивности и утѣшающаго смысла: «Слишкомъ добръ,
слишкомъ добръ! И за какими дѣвочками они жон-
ко суча въ денежная дѣла!... Слишкомъ добръ!
Слишкомъ добръ!»¹⁾ Вся пьеса написана въ этомъ
тонѣ, озливающимъ суровыми и грустными одушев-
леніемъ; слышь вырывается съ зрѣдочн. при видѣ
этого смѣшенія безпроботочнаго и непрерывнаго
шошентинскаго, гдѣ жонско дурачій лакей, пѣвчій
маркиръ и зубаска продающаца оказываютъ гезу,
наши моды.

Герой комедіи (говорящій, срисованный съ натуры)
вышелъ изъ низшихъ слоевъ и признаетъ, что по-
ти никому не училъ: «Это намъ не нужно, были
бы ловкія руки и слышн⁸ливоецъ». Они были сфоротаны
на засѣбъ; въ сумерки нельзя уже было свободно
проходить въ городъ, но Шюркара прощесалъ згиль,
кто покупалъ у него этого прощеска.

Такъ научалъ они називающ. Обогащеніе по-
шло басурно. Терезъ тѣсколско мотъ дѣвчій сторожъ

¹⁾ Турсанет, III, 8.

свойств уже во главе компании Лизуничков; отъ бережъ
 подряды и бржуна, за ними улаживають светскіе моды
 и подвыя данты. Сами отъ низеръ теперь любовныхъ ин-
 тригъ въ большомъ свету, и дозирають цѣли; въ любви
 отъ такъ же грубъ и самоправенъ, какъ во вселю. ^{competent} Ито-
 бы поправилъ кокетство-баронесса, отъ сорить денга,
 ми, — пухъ каждай бездѣлка въ ея дѣлѣ напоминаетъ
 о его славы; въ порывѣ ревности отъ бьезъ дорогія
 зеркала, посуду, удымадетъ жѣлы, что у него еще много
 денель. Непело и говоритъ, что баронесса безсудно обна-
 миваетъ его ^{vergeuden} вѣнцѣ со своимъ обозначенъ, разорившимся
 шеваге, — ситуация, напоминающая Мъцианина въ дво-
 рднствѣ; но гораздо опаснѣе для него зоръ займыи нравъ,
 козорви неразлученъ съ Тторкаре и до времени вѣсцума,
 еръ его напереникомъ. Леснотъ, маскерски нарисовавшій
 жить пронариваго слуги въ комедіи „Crispin rival de
 son maître“ („Слуга соперникъ“), выводитъ два еще болѣе
 жизненные характера: лакея Тторкаре, Фронзена, и
 судрежки баронесса, Андерзье. Оба они, глядя на соблаз-
 нительное прилѣты бьезрало обогощенія, соединяють
 свое плутовство, тогда скорѣе дозирають цѣли. Вѣстны
 неправдами добиваютьъ они зой цѣлрры, козорву поща,
 были себѣ вѣнцѣомъ своимъ смеланій. Пускаютьъ въ
 ходъ и ливидя провѣсти денель, и поддѣлка доку,
 мезюва, и появленіе подсудного судебного пристава,

у мотсера

козоровъ гонимыхъ барашами съ своими призраками. Одна
воровская тайка видимо осмеливается дружить. Мизерка
уже гонимыхъ видопиданья своего будущего величия, оправ-
дывая себя звать, это всякъ и каждаго соединяетъ генеръ
Круговая порука: Тторкаре грабихъ, гдѣ зомско понаеъ,
баронесса обираеъ Тторкаре, они обираюъ обонь.
Мало-по-малу веплываеъ много земель въ грабннъ за,
знавшасяея охлупица, его семейной ознакоми, денеси,
моя плути; онъ запущиваеъ въ уголовное дело; какъ,
сирь его добширъ съ огромными суммами. Птескъ до,
гара стига; Фромзеъ во время суматохи успевъ за,
хватуеъ порядочной кушь и самодоволюно говориъ сво-
ей будущей жень: „Царевъ Тторкаре кончилиет, генеръ
начинаеъ насъ.“ Лесаевъ не написалъ ничего болѣе
счазлаго и злого.

Какъ видно, комедія „Тторкаре“ оубълена звать же
отпозиционныиъ духомъ, съ козорамъ ли многократно
ознакомилася франше. Нушто было много энергн,
чтобъ одолеть пренязрвнъ, побороъ ^{дмъчъ Фрабннъ} сзакку прозивнн.
ковъ, чтобъ попадали на большую сцену такого рода
произведенія, каковъ Тторкаре, и вынеси послѣдствнъ
пръзкого обличенія. Про испывалъ Лесаевъ, залавилн.
вннннъ нрз комическннъ писателенъ начала XVIII вѣка,
когда онъ оубъннлнъ позабннъ на сцену своего Ттор-
каре и въ немъ изобразилъ правдивую картину бѣда

финансовыя гудовы, охотничковъ и подрядчиковъ, срано,
 вившихъ басноного слою и при дворе, и въ обществѣ.
 Отънынѣ или значило загрозила или покровителей,
 высоко посявлялись, но поработившихъ разлиты,
 ми занимали, одолженіями, участвію въ барышахъ.
 Маида насивы все свѣтъ обваживала общество, не
 исключая даже срано король, въ соблазну для многихъ
 увлекавшаяся азартной игрой. Характеры тороковъ, въ,
 веденные въ романахъ и комедіяхъ XVII вѣка (напр. въ
 Le jouteur Реньяра, 1696г.), показывають, до чего было сильно
 тогда общественное безуміе. Искусные спекуляторы ску,
 пали за беззастенчиво родовая имѣнія. Одно время даже,
 месь капиталы держали въ своихъ рукахъ все Па,
 рисить, и вѣду и были агентовъ и шпіоновъ. Месань
 оказали важную услугу обществу услугу, разоб,
 лачивъ эту новую язву. Провѣдавъ объ опасносѣ, финан.
 сныя ^{и тѣмъ образомъ} засучились, предлагали взору 100,000 ливровъ оз.
 оружного, порывались вытѣснить въ дѣло король, задвѣ,
 ли о государственной опасносѣ такого произведенія, и
 все-таки добились того, что „Пюркаре“ могъ появиться
 на сценѣ иль съ сокращеніями въ 1709 году. „Пюр,
 каре“ былъ посявленъ на сцену иль во время войны
 за испанское наслѣдство, когда французскій народъ былъ
 доведенъ до крайносѣ и смотрѣлъ на охотничковъ, какъ
 на главныя виновниковъ своего разоренія. Этихъ

объектеведя горский зомъ комедии, до какой степени не
похожий на обичный зомъ Лесажа. Впрочемъ, Турсакетъ
относится къ XVII вѣку, и его невозможно отождѣлить отъ
современныхъ ему произведеній Рендра и Данкура.
Комедия возродилась именно въ послѣднѣя двадцать
лѣтъ эпохи царствованія Людовика XIV и закончилася
Бюссарденко Рендромъ, Данкуромъ и Лесажемъ.

Послѣ долгаго перерыва, снова раздалось правдивое
слово, и комедия, веселая и насмѣшливая, но поелъ
Мольера сильно понижившая зомъ подъ перомъ Данку-
ра, Дезюша и Рендра, возвращалась къ социальной
сатиры и здоровому реализму. Подобно Тоголю и ^{Мольеру} Авго-
фу Школы остроты, Рене Лесажъ заходилъ носомъ,
зарся съ фольками и нападками, вызванными псею,
и въ Самокристикъ комедии Пюркаре (Critique de la co-
médie de Tursaket) сдѣлалъ главами своими Хро-
мого Юса и Дона Клеофаса, которые, сидя въ театръ,
злоско что видѣли псею и генеръ влѣдывающа въ
выраженіе лица, анализируютъ настроеніе зрителей.
Они видѣтъ въ одной лозѣ старика и молодую даму
съ оленъ недобольными лицами, — это Пюркаре и его
баронесса; они узрѣли себя; подалше сидѣтъ карья,
ная красозка, видимо также раздраженная; всѣмъ
душиямъ Асмодей зкаеть, что сцена съ бирсиль зеркаль
происходила именно у нея въ прошлой карнавалѣ.

Въ корридорахъ орафорезуточныхъ кризиски и законодате,
ли створекаго вкуса, громкѣе непримоймоего нѣсека, на,
ходяще въ ней созни сужденъ недосудачковъ, возмущены
желье, что „авзоръ слишкомъ рогно^{во} производитъ правы“,
что въ его нѣсть нѣтъ ни одного порядочнаго человека.

„Что были нападки, вынадавлие“ — какъ А. Н. Веселов,
скій говоритъ — „на долго избранныймихъ сажириковъ
во все время. Месанъ по праву заслушивалъ геси
быдъ включеннѣль въ нѣе число. Онъ доказалъ это
своею комедией „Шторкаре“, въ которой онъ рѣшилъ
даже задронуть областе общесудетнѣль означеній, на,
павши на генералнѣхъ сдорициковъ подажѣй, обода,
щавимхъ съ соизволеній короля на сжѣе народа, и
закиль образомъ сдѣлалъ провозвѣсудисонъ новѣль
воззрѣній и тенденцій во французской импературѣ.
Онъ доказалъ это еще раздѣлннѣе, когда въ двѣль болъ,
милѣ роганалѣ прилѣтннѣль своего над. податернѣкоего
и кризисскій методъ къ изобразженію всей совокуп.
нощи общесудетнѣль явленій. Тоненѣй на его комедію
заедавили его, какъ драматурга, перейди оуъ большой
судены къ волѣнѣль Армарочнѣль театраль, для кофъ,
роль онъ много поработалъ. Сфера романа показалел
ему болѣе нейтралнѣе для дозисненій высимѣль нѣе,
лѣй обличеній; онъ только поекаралел прикрѣитъ
картинки подлиннѣль французскнѣль правовѣ логикиль

и весьма прозрачными слоюми чужеземной или же французской окраски, и, хорошо знакомый с испанской литературой, взял у нея необходимые для зого даннов. Указь, Месаши въ 1707 г. открылъ рядъ романовъ, изъ которыхъ самыми замѣчательными были, Хроной Босей и, особенно, Милъ-Глазъ, которые, несмотря на испанскія имена действующихъ лицъ, городовъ и з. д., переносить взгляда въ позднѣе годы Людовика XIV и рисуютъ городскую, сельскую, судебную, литературную жизнь во великѣ иль развѣтвленнѣ, нѣдѣль.

Голландскія комедии были уже устѣхъ первого романа Месаши „Le Diable boiteux“ („Хроной Босей“ или „Хроной коррь“, подвѣившійся въ 1707 г.). Кланъ и заглавѣ романа Месаши замѣшувалъ изъ новеллы „El diablo cojeado“ испанскаго писателя Don Luis Valer de Guzman, — но съутью придаетъ своему замѣшвованію сродно національнаго, французскаго духа, что соотвѣствуетъ Месаши илькозъ полное право называть его произведение вполнѣ оригинальнымъ. Аснодѣй, лукавый слуга короля, водитъ подобнаго легкомысленнаго испанца, Дона Клеотаса, ^{одну} на башню Мадрида; волшебнаго силота отъ приподъ, илькозъ кричитъ дождь и показываетъ своему спутнику непригляднѣя домашнѣя сцены, скрывая отъ сфороннѣхъ взоровъ. Наго признается, „Хроной Босей“

попону фангази, острочивид и грациозно высказанности
 иезиты. Если лукавее ботс, приподнимая крыш
 домов в вред своего блудания по городу, показыва
 етъ своей сущности неприглядной домашней ^{сцены,} пестро
 хлопотливо съездились сословий, характеры и воз,
 распы, сзрасцы, пороки и глупости и з. д., скрывая
 отъ стороннихъ взоровъ, и авторъ рисуетъ людей съ ть
 пороками и низостью, что въ зрѣнь злыхъ мафроскаль
 съ натуры обнаруживается его глубокое сердцевадение.

Le Diabole boiteux, заглавие и ранки козорого, какъ
 уже знаешь, взды у испанца Тевара, но содержание
 козорого страновидное все больше и больше оригинальнѣе,
 но творъ своего развѣдѣ, ~~зонтко выиграла бы не безъ из,~~
 мильяго балласта. Онъ зонтко выиграла бы, елибы
 нтъ него были выброшены разные безавогные раска,
 ды и многослестные описанія характеровъ. Но даме
 и въ своей настоящей видѣ, Кроной ботс и ть
 огромнѣе, въ общелъ, заслуженный устать. Это
 произведение было повзрестеиъ Характеровъ (Caractères,
 ou les moeurs de ce siècle) Мабройера въ форнтъ, придно
 действовавшей на воображеніе. Лесанъ заслуживаетъ
 проходить передъ нашими глазами длинный рядъ ори,
 гинальнѣе фигуръ, иногда сгашивѣе, иногда от.
 вразумлѣе. Онъ не прибавилъ многого и даме не
 прибавилъ ровно ничего къ зонту, это уже поведали

наше моралисты предшествовавшего столетия о генов, геских пороках, сурасудить и сурасудить. Но, при оцездудии повизны, его описание правдиво, симпатично и занимательно. Лесаж облекает все эти пороки, сурасуды и сурасуды в соозвездудующие или коездуды, нарядившим или, отъ заездудить или двездудая и дездудая, везд; отъ обездудить или соездудившим или коездудика, или. Или или видимы, — и вь ээотъ соездудь оригиналь, наяд заслуга Лесажа. По сравнению сь 'Характерами' Лабрюйера, 'Хромой Твось' на одну ступень ниже, глубокъ и на несколько тоновъ больше ярость и ошво, писатель. Валзеръ Скоттъ, написавший онем интерес, нудю биографию Лесажа, говоритъ справедливо, что едва ли ильездь другая книга на свете, вь которой вездъ, галитъ бы такъ глубокие взгляды на геновгеский характеръ и вь такъ ясно и грациозно и злобно.

Самое главное, самое замечательное сочинение Лесажа — Die Blas de Santillana (... 'Полосудей Милл-Тлаза', 1715 г.) Первые два тома ээото романа написаны вь 1715 г., эрезий томъ — вь 1724 г., а гездудый — вь 1735 г. Мудакъ, или ильездь ээотъ периодъ своего обездудий гездудейдо-иной гудь. Первая часть его, написанная вь 1715 г., была написана вь последние годы царствования Людовика XIV; эя сцена не выходитъ изъ области геской жизни. Милл-Тлаза, сию кою,

1) английский романист

2) Милл-Тлаза-де-Самуельсон

шаго и экономки, даровитый, но пренебрежительный мальчишка, уходит из родимого дома, нагруженный знаменити, не испытывающим никакого практического применения, неподобающий и наивный, преисполненный надеждой и опьяненный сознанием своей свободы. Он отправляется, куда глаза глядят, чтобы искать себя счастья; попадает на пути обманом в свое лишение всего своего добра; попадает в разбойничью; долгие вьющиеся с ним краем и грядет. Наконец он убого, галер, слышит похвалы у различных людей различного сословия, у дворян, священников, французов и немцев, келье дружно; возвышается впервые до писаря, а потом до конферанса первого министра. Вельдворие его легко, мысли и чувства ищут попадая в опьянение в вельдворие — в тюрьму; освобождается, добросовестными занятиями замышляет человека, достигает онды высокие государственные почести и оканчивает свою жизнь в добротной веселости деревенского счастья.

Как бы видя, жизнь начинается образовывать героя «глупца» и образовывать ему кривля; небольшая доза хороших инстинктов и знаменитостей заставит друзей удалять его от крупных преступлений; он поддается обаятельному или необходимому, но в конце концов предостерегает себя карьеру, не рискуя ни галером, ни бездельем. В обществу сформировать

компаньонство, в среду которых его бросает судьба, он узнает, какую немаловажную величину представляет он — Милл-Блаз — на зренье своего, и даже узнает, что такое более не считаешь своей главной задачей угрожать Милл-Блазу и восхищаться им. Это зичеславие навлекло, еще на него суровый немилосердие; он начинает понемногу, что зичеславие представляет ловушку, которую мы сами разрабатываем для себя, и научаемся сдерживать его продвижения. Он предостерегает привлекать не только, даже других и самому себе. Случайный и непредуганный, маленький хороший пощупок дала его управляющим богачаго дома, модными своими тенденциями. Он начал, начал жить в мире и довольстве; он может почти разбогатеть, не приходя к борозде, и умереть почти незаметно в келье.

Но зренье зомь выводит Милл-Блаза из дома до конца и бросает в новый приключений, разгнанный в более высокопоставленной сфере; бытовая картина поднимается до уровня психической картины. Милл-Блаз становится модными герцога де Лерма, и мы проникаем в придворный мир, — правда, через заднюю дверь и позайные проходы. Мы видим изнанку зреть величественных механизмов, называемых индустриями, администрацией, правительством. — Видим, как беззастенчиво произвольная продажность

и гнусная слабость управляющих государственных делами. В это время Францией управляло Регенство, которое обнаружилось во всем своем виде и с величайшего наглое все, что больше или меньше прикрывалось величественной фигурой Людовика XIV; Мессия видны, как аббата Дюда руководил Регенство, в это время как при Филиппе V действовали Алберони. Зародились эти скандалы неслучайно. Орлеанцы зашли иль и снова придали делам характер ^{средней} неслучайности или благоумышленного унаследования.

Мессия
 Через 20 лет (в 1752) (негадатель окончание - 4-й том - своего романа. Он продолжался в нем политическую карьеру Мил-Блаза и савиурь его в это же означенный к Оливаресу, в каком он находился с Лерма. Но все излагается при этом повзрослении; миссия и фраза риторически чувствительными людьми и сарауоды возможно лучше управляет королевскими и государственным делами. Мил-Блаз сводит к минимуму, необходимо для соблюдения правдоподобия. Очевидно, что с издания третьего тома романа (с 1724 г.), в эти дни, падает иго у автора создается лучшее представление о правительственных персонажах.

Божественная, необходимая приложения Мил-Блаза, суживающая интерес романа к использованию одного человека, давая возможность пересмотреть весь показный

сторонны и вѣн закоулки французскаго быта. Но наврядъ, вѣдъ гизаделю ^{тѣмъ} прѣстой морали, не дѣлала серой образцовна добродѣтели, гонимой пороками, а напротивъ, выдвигаетъ въ нѣмъ симпатично приливаетъ ^{супернатурально} продуктивного плутовства, посто, готовящаго ему извѣстность среди превращенцевъ и всегда на, ходитъ вѣдѣть, Лесажи предостерегаетъ, фактальнъ говоритъ за себя; который освѣтляетъ извѣстность его наблюдений, застав, лѣдъ оградываетъ у мѣстико безнечнаго, добродѣтели раз, сказника благородное и негодующее сердце. Все это охватываетъ Лесажи одно изъ первыхъ шаговъ въ исторію реализмическаго романа. Материалы для развитія этого направленія накапливаются еще въ предшествующій періодъ. Обращаю ваше вниманіе на правописательскіе романисты XVII вѣка. Не только Скарронъ, но и Фрэнкль, удерживаетъ свои, "Roman bourgeois" и Шарль Сорель съ "Исторіей Франціона", дають нескѣлько очень удачныхъ и правдивыхъ изображеній Париза и провинцій, Клерки, камельныхъ, судейскихъ, писарьскихъ нравовъ, даже быта колдунства, — но ни одинъ изъ этихъ родоначальниковъ бытового романа не имѣлъ таланта Лесажи и вліянія Лесажа, слава котораго достигла вселенной.

Лесажи держитъ пріемъ М-те Скюдери, позволяющій раздѣлять однихъ и другихъ еще стоишь на многие годы. Каждое дѣйствующее лицо рассказываетъ у него своего содѣявшаго исторію въ той или другой пометкѣ.

своей жизни; не мало есть приключений, въ которыхъ
 Милл-Глазъ бросается только для того, чтобы дать слушай
 какому-нибудь новому лицу подвергся и рассказать
 свою жизнь. Здесь мы касаемся важного недочета про-
 изведения Лесама. Общая композиция романа слаба;
 да и вѣдь им могло быть иначе въ произведении, издавав-
 шемъ въ три приема, черезъ десять летъ после первой. Но
 Лезе писалъ своего Франца въ течение шестидесяти летъ
 и издавалъ его въ два приема.¹⁾

Господинъ Лансона говоритъ: „Обыкновенно привычно
 хвалятъ замесель характера Милл-Глаза: обыкновенно
 говорятъ, что зорь добрый малый, такъ мало подходя-
 щий на героя романа, не злой, не ^{всепрошибельный} циничный и не
 храбрый, но обладающий удивительной силой сосредото-
 ченія, величавые самого недочета въ немъ глубины, —
 никогда не смѣряющей на жизнь драматически, неотбито,
 вѣчно быстро оправдывающейся и чуждающейся мысли
 своихъ несчастий, всегда обратившей лицо къ
 къ будущему и никогда — къ прошлому, всегда для
 желаний, непосредный къ мечтательности и созерцанию,
 переходящий подъ влияниемъ суроваго опыта отъ редъ-
 ческаго тщеславия къ распухливому произволу и, въ кон-
 цѣ концовъ, довольно поздно утвердившейся на вы-
 сокой солидной, но довольно двойственной морали, гово-
 ряще, повздоревши мы, что эта личность представляется

¹⁾ Это же самое было и въ Вильгельмъ Мейстеромъ и его общае
 композиция слаба.

жизнь среднего человека. Но лишь касаясь, что не есть,
 думая слишком превозносить философской идеи, впрочем,
 мой во Ларакере Милл-Блаза: "... При (закой) много,
 телесности собою и поединков, лирически герой раз,
 пробуждается. Милл-Блаза не удовлетворяется - или удобне,
 зворяется во недосахожной средине - дбуль существеи.
 казал человек во всякого Ларакера: индивидуальности
 и единству. Это определенно не доверяет того, что на.
 забавляет оригиналь: у него индивидуальности только одно
 его имя, а во всем остальном отов - кро угодно. Вслед-
 ствие этого никто не указывает, кроме одного имени,
 что человек, находившийся во нечестии разбойников,
 го же самое лицо, что и человек, симуляции во дворце
 Сивареса, никакая психологическая необходимость
 не связывает различных приложений этого лица. X

"Главного чуждого Лесана было изображение кра,
 воль; его романты предсказываешь галерею картин, расхо-
 жароваживать и правдивых. Его оригинальность
 заключается во том, что отов указывает на все вышн-
 ние признаки, но козоришь обнаруживаешь люди.
 Это, во-первых - иль посылки и иль рости, загоны -
 ниль меры, физиологии, без иль физическая вышн-
 ность, далее - иль плече, иль домашний обиход, иль
 положение, мебель, тогда; наконец иль профессия.
 Лесан, раньше Вудро, никогда не забывал все эти

у него Лансон думает зреть, можно зреть только от героя драмы
 а не рокиа: раз во фазе Гитлера такой же, как Пои газе.

профессиональное положение лица во сохрвх его харак.
тера. Словоны, Лесаши — реалисты и однов изъ великихъ
французскихъ художниковъ этого рода. Они неподражаемы
по своей картинности и реалистичности, когда описываютъ,
напримѣръ, ободъ каноника или фигуру дуэнта. Они
пошелъ дальше Лабрюйера по пути, указанному эстетикомъ
последнимъ: они охотнѣе на задній планъ выдвигаютъ,
мною, духовную дѣятельность и высказываютъ на видъ
дѣятельность осязаемую и видимую; охотнѣе происхо.
диль недосягаемая глубина его психологическнхъ на,
длденнхъ...

Въ реализмѣ Лесаши связывается законъ зо обсто.
дствств, что его произведение не оумнаетъ возвышен.
нствъ характеровъ; экспериментальная философия, вы,
заканчивая изъ его книги и сдерживаясь постройитъ
правдивое поведение на произвѣ, представитъ изъ
интересную мудрость, выдвигаясь козрой выдвигаясь
рѣшь сильнѣе, что въ ней очень мало горечи и много
интересности "... Уме оумно послѣднимъ французомъ Лан.
сонъ мнѣ ^{бы} удивился въ томъ, что Лесаши не романско реа.
листъ, но и въ знаменитой сценѣ идеалистъ и, по.
сталинъ, оптимистъ. Наконецъ въ заключеніе Лансона
говоритъ: "даже въ своемъ идеальномъ представленіи о
правдивости, выразителемъ, повидимому, въ послѣд.
ней главѣ романа, Лесаши не перескучаетъ границы

у законѣ, какъ и Тогова

возможного и реального: Милл-Блауэ утрудно было бы на, звать идеалом; ему удается лишь сформировать целостность не выше средней чуждости, после того как отчуждены те стороны нелинейного и после этого среднего уровня.

Но „Милл-Блауэ“ принадлежат к числу немногих книг, которые читаются с одинаковым интересом как на последнем, так и на первом страницах, и которые даже по мере чтения становятся еще более, как будто только-только начинаются с ним, им. В этой книге безупречно не только группировка интересных приложений, содержание замечательное и изумительное; ее главное достоинство состоит не только в гладкости языка и удобочитаемости для самого испанского знания испанского характера и народной жизни; но прежде всего она расширяет кругозор, дает представление о характере испанского. Милл-Блауэ умеет выразить все подлинное; великое приключение слышится ему изумительным комическим рассказом; если бы кто слышал, что бы тогда, он бы воспринимал эту неслыханную историю, повествование образное, если бы кто, в том же его смысле с ним, он бы видел следы, чтобы сейчас же самому подхватил кому-нибудь ногу, — и законил образное и все это сделал шутку. Милл-Блауэ, описывая рассказы, был даже достоинством, так же как английский Робинзон, замечательная очаровательная образность.

Конечно, в нем больше суррогата (esprit), чем в юнго, ра. В эроне означении "Милл-Блазг" не дождутся ни Довн-Клиффа, ни даже Том-Тонес. Но интерес, козо, рый в Милл-Блазг находили все образованные нации, и по изечению ^{уже} Болное полузора сза ларь осчался рож те, и осжанезд до ртль порь, пока сущезвучозь Дездее. рескид произведенид.

"Милл-Блазг" предзавидезд ратиженский поворозь обик, наго направленид французской поздим. До ртль порь она была зозько восхвалениель сущезвучозьцаго порадка; зездь она сжановаезд сазиритескиель дигонь его. До ртль порь вь нагдмудраель, озвлечениель образель суремилель кь идеальному величию древниель; зездь сжали изо. Бразмагь драйсудивельноегь и есезувенноегь. По содера, нито Лесань первый позурь оттозилцид; по формаель - отив первый реалмезд.

Милл-Блазг зозидезувель Хроному Тобьсу (Le Diable boiteux) ез зозо разнищезо, что вичезь легкого эскиза ити иштель вь немь одмирнуо карзину. Вь зечение Болное ртль сжановидь рдмудрель, вопрось о Милл-Блазг; занимавиий зрениель велье сжрань и созодвиий вь зозь, не скопировалель ли Лесань эго произведение ез испанского оригинала? Вь насзодичее время эзозь вопрось ртшетель насзолько, что кь немь уже не при, ходиудель болне возвращаездь. Оказалоеь, что испанский

Французская история литературы XVIII в.

сомнительно, это потому, что Лесажи вложил в свое произведение нечто французское, а именно общечеловеческое. Лучшая часть его книги принадлежит ему самому. Весь рассказ с ворами, хитро задуманный и подробно рассказанный поистине гениально в Милл-Блаз, это, взятые из итальянского романа рисанескуе, но весь сюжет в целом, где вертлявый злой донкихот на голо, боготскую глупость и яркую картину нравов того времени, обязаны своим происхождением французской литературе и французскому обществу. Эти изысканные сюжеты, эти актеры и франтисеры, с которыми так знакомил Лесажи, существовали во Франции.

Лесажи написал еще несколько романов: „Саламанский дьявол“ и другой разбойничий роман „Приключения кавалера Томаса“ (*Les aventures de chevalier Baucourt*) ^{которые} хотя не столь художественны, как „Милл-Блаз“, огулом все-таки непосредственной счастливо характеризуются и вторично изобразились нравов. Но „Хроной Тресс“ и „Милл-Блаз“ принадлежат к самым лучшим произведениям Лесажа и безудельно того и переведены на весь язык.

Одна вещь у Лесажа заслуживает похвалы, это его стиль, сдержанный до небрежности и однако обработанный до блеска, стиль это кажется с первого взгляда, стиль легкий и быстрый с злым смыслом.

привлекательный, мобилирующий неожиданными обра-
зами, блестящий остроумием и обладающий ре-
ферентной и прозрительно драматического смысла. Его язык
почти походяно дитерс садирой и очень редко фран-
цузск вполнѣ объективной. Но садира Лесагя очень
живописна; она рисуетъ людей и жизнь. Въ этомъ
отношеніи Лесагя была въ XVIII вѣкѣ правдивѣе на-
сладничковъ Мольера и Лабрюйера и совершеннѣе
исключеніемъ среди вѣсѣе авторовъ комедій, члѣвшихъ
долско пораспартъ колкой эмпирической нравѣ своего
общества, не облакадъ нѣ въ живые образы.

Какъ мы уже знаемъ, Лесагя прожилъ свою
жизнь въ бедности и неизвѣстности, сохранивъ свое
человѣческое достоинство. Онъ совсѣмъ не походилъ
на мизантроповъ XVIII столѣтій, суетившихся, жала-
вшихъ высказываться на показъ и задрѣ вѣстъ нрѣ свои,
ли особами. Онъ не любилъ дрсудливыхъ оцѣнокъ
своего времени, рзонерзубовавшихъ и кризиковав-
вшихъ, и почти никогда не цлѣскалъ случая задать
Вольтера. У него совсѣмъ не было философскаго на-
строения. Онъ не возрѣвала ни прозвѣ религій, ни
прозвѣ общезвѣтнаго цзройства. Но, что другіе кри-
писывали недосадкамъ чрзиденій, онъ относилъ ихъ
личнымъ и классовымъ заблуденіямъ; онъ былъ
моралистомъ, а не социологомъ. Онъ не вѣрива въ

разумь и думать, что онъ не способенъ руководить жизнью. Не будучи глубокимъ и оригинальнымъ мыслителемъ, онъ во всякомъ случае внимательно наблюдалъ за реальными проявлениями моральной жизни. Въ этомъ отношеніи онъ былъ скорее человекомъ XVIII, нежели XVIII столетія. Онъ былъ человекомъ XVIII века также и по преобладающему въ немъ инстинкту художника: онъ стремился только передать то, что видитъ; онъ не искалъ желанія популяризовать и не обладалъ наклонностями пропагандиста.

Далее, не былъ онъ человекомъ своего времени и по выбору своихъ образцовъ, изоготовъ и сюжетовъ. Онъ повернулся спиной къ своему веку, взоры его были устремлены на Аргенто, и обратился къ Испаніи. Но въ этомъ отношеніи онъ не следовалъ классическимъ традиціямъ. Классическое искусство, конечно, въ свое время и заимствовало — какъ, напр., Корнель своего Рода — изъ Испанской литературы, но оно приписывало испанскіе образцы къ области низшей литературы, закъ что то обходящееся, что однимъ изъ члениковъ Мольера и Ла. Броньера считалась последователемъ Шамленовъ и Эскар. роновъ въ своемъ присущемъ къ испанской литературе, можетъ быть даже объяснено упадкомъ классическаго направленія. Правда, Лесагъ написалъ даже одно трагическое: Эта литература дала ему неисчерпаемый запасъ

рамок, формы, приложений и образы, позволявших ему быстро работать, — а это было для него очень важным пунктом.)

Дело в том, что Лесаков внес в литературную жизнь одно новое обстоятельство, очень важное по своим последствиям. До этого порь литературными заработками существовали только такие писатели без таланта и без изобретения. Лесаков, в силу своего независимого характера и развитого чувства человеческого достоинства, не разменивался ни на пенсии, ни на подарки, ни на симпатии знаменитых покровителей. Он жила жизнью своей грудью. Это прекрасно рекомендовало его самого; но искусство держало его этого, так как литературная работа должна была подниматься выше, выше материальной жизни, куда в деньгах начинала регулироваться литературное производство. Литературные произведения держали в цене то, что они выигрывали в объеме. Лесаков был первым из великих писателей, образивших свой талант в средстве правдыного заработка, — и поэтому из всех его многочисленных сочинений только три заслуживают особого внимания, но даже и эти три сочинения, именно оба его лучших романа — не без влияния балласта, но зато не менее слава Лесакова, особенно благодаря „Шмель-Клаву“, передается и позднейшими

У этого можно указать на то, что именно эти образы Лесакова и Шмеля называют греческой «виральностью» — литературной. Но до этого не Лесаков

покопаться.

Хотя у Лесама была муза в зародки, являлось
 большое искусство издавать зомы за зомами, вдаваясь
 в многословие и в повторы, — зомы не менее сфран-
 кенд его были направлены все выше, и весь его больше
 знаменитый произведений, но такь свогисеми, едесрвен-
 коеги и сарирть, коуге буге "размазриваемы какь рго,
 ширьткой поугеги прозриводтйеубовге классицизму.
 Всмодеуге эгои и поидуга слодугоуга иерорид: — Бугало
 однаиде засеалъ своего слуге ех. Хропкитъ Бтисолма
 въ ругакль, и прогмалъ его за эго. — Эга герга Харакге,
 ругугеги конуграсеги двугль эпоки. — Витгеги придворной
 лиугераугуре явиласе закад, оуге коугорой вугдло дугкоуге
 свогиситъ, свододитъ, мародитъ. „Митъ-Блауг" бугитъ
 предшесугвенникомъ Фуггаро, предсугавугелетъ эпоки
 регентугеги геругога Орлеанскаго. Lesage # Le Sage
Регентугеги геругога Орлеанскаго.

(1715 — 1723).

Въ эпоки регентугеги соединугеги обикновитно
 каругитъ самаго безуграднато разуграга, и приуговоръ эугеги
 осноугавугелетъ. Но при эугеги, въ госугдаругеги, общесугугеги
 и образе мислей прозугитли знаменитый преосугра-
 зованит, коугорит дуглмоуге эугеги эпоки прологитъ фран-
 цугдской реуголоугии. Коуга сугарого коуголь не сугало,
 все недовольсугеги и презугитие, коугорит накоугилит

въ безконечный периодъ его всевластия, вырвались нару-
 жу. Послышались озобстоуды проклятій; сатирическая
 народная тенья завладѣла ретузацією умершаго и
 послала ему въ слѣдъ злобный манушривид или небреж-
 но-подкѣй шулки; во время перенесенія зѣла въ Сень-
 Деми зюла освѣтила безвреднаго генеръ властителей оскор-
 бленіями, бросала въ гробъ грѣшны. ¹Такъ сошелъ со
 сцены „король-солнце“, которому когда-то могли прини-
 сать горделивое завлеченіе, что все государство въ немъ
 (l'état c'est moi), какъ Людовикъ ^{XIV} — какъ говорятъ — выра-
 зился передъ парламентомъ въ 1655 г. Начала новая
 пора, несмотря на своего краккоера (1715-1723) надолго
 оставшая палатного для сфранки, — пора регензтва, об-
 казившая международный спортовъ зворни новины,
 зитическими словцами, тѣдене, оръ котораго жакъ и
 отдавало бужеромъ издичнаго кутезна. Это была естествен-
 ная реакція прозвѣи монархической мѣрзвенности,
 которую возводили въ свой развѣданный некогда дворъ
 показившійся Людовикъ. Сдерживаемый дозочъ озради
 вырвались на свободу.

Трилитъ Орлеанскій — даровитая, но испорченная
 мазура. Мать его, добрая прѣдвѣрафиня Элизавета
 Шарлотта, припоминная извѣстную сказку, говорила,
 что при крещеніи его были весь додрѣдъ френ; отъ
 одарили малютку лучшими дарами, но злая френ,

1) Sic transit gloria mundi.

козоручо заблели пригласице на кресели, иже нести
 присоединила проклятие, что вель эки дозволителю бу,
 дурь заремени прозубонозисмы или пороками.
 Эза сказка почти буквально исполняется на Фрилин,
 ть. Въ ранней молодости онъ блестяще прославилъ
 себя, какъ полководецъ; но король не хотѣлъ, чтобъ кто
 нибудь изъ принцевъ превзошелъ его даже въ воинской
 славы. Фрилинъ Орлеанскій вовсе не готовился къ прав.
 цению; его воспитатель, извѣстный впоследствии Дюбуа
 (Dubois), глубоко безразубенный искажалъ приключе,
 ний, казалое, нарочно угрождаля въ сгаранид, чтобъ
 развратилъ своего питомца, козорый отъ него рано узналъ
 весь тонкое виртуозное разврата, превывавшаго го,
 что пресиде было въ лоду у отъ двлентель специали,
 еровъ этого рода. Между темъ, по словамъ Сень-Симона,
 Фрилинъ смелоду обнаруживалъ недозримый способ,
 носки и осоденцию склоняется къ военному делу —
 какъ уже знаешь сказано — въ ранней молодости онъ
 блестяще прославилъ себя, какъ полководецъ. Но
 король запретила ему вернуться въ армию и темъ за.
 держалъ его въ расхлывающей атмосфере. Пылкий ге,
 рои, осуденной на бездядельную праздность, хотѣлъ
 ухотить свое несомодие въ дикомъ разгулѣ губеубенной
 жизни, а легкомыслие довело наконецъ его до изи,
 низма. Безбосие герцога было явное, обизий голоса

обвинялъ его въ смерти дофина и герцога Бургундскаго.
 Подъ вѣсѣрь отъ заперся съ своими любовниками,
 запцовщиками, пѣвцами и придворными, ко-
 роль отъ называлъ les coûtes, т.е. висельниками. Каж-
 дую ночь была наглядъ ордъ. Въ этотъ грядущей водоворога
 было возбуждено и управление государствомъ.
 Италья не меньше, безудная въ управление Франціей,
 ресенъ какъ будто озревился и первыми своими мѣ-
 рами привлечь къ себѣ сердца; въ немъ едали гест.
 вобаръ издавался и вѣрили въ наступление эры спра,
 безлибосен и законносен. Парламенту были возвра-
 щены его права, 2-на. Вензеновъ огукилась въ не,
 амлосен, Ансентезаль и прозесханзаль отъщета
 была свобода совосен, въ Римъ дано было знакъ, что
 ресенъ не приметъ папской буллы, вредящей фран-
 цузскому церковному самоуправленію. Но прозив,
 пикки не дрекали и зануривали ресенъ доносали,
 въ 1717 г. озкрылъ данъ заговоръ, отъщавшій передакъ
 презоу испанскому королю. Поддавался прелести
 новеловаръ, Филиппъ мало-по-малу охладывалъ къ
 реформамъ, оскорблялся малтайшими порицаніями
 своихъ дѣйствій, начиналъ придтыгаться къ старымъ ре-
 прессивнымъ приемамъ, снова позволялъ издывалъ
 придбравши знаненіе. Недовосенъ усилилось, особен.
 но подъ вліяніемъ финансоваго кризиса, вызваннаго
 неувѣлосенъ правительсвенъ. Неминужное государсвенное

Банкротство было одним из признаков наследия, остав-
 ленного старыми порядками вещей; изобретение его было,
 но было бы только коренным переизобретением всего
 хозяйства страны. Вместо того досудочно было появле-
 ние лавкало афериста с французскими планами
 всеобщего обогащения, чтобы передать в руки его и го,
 сударственное государство, и частные капиталы.

Франция стала лагерем ареной класса людей, для которого
 французы изобрели новое название chevalier d'industrie,
 ст. 1) Дюбуа, наставник и в то же время всемогущий
 министр регента, был уродливый искажен приключением,
 пороком возвысившийся и пороком утвердившийся.

Домонь Ло (Law), знаменитый иносуданец, одаренный
 умом, красноречием увлекающим, властным и,
 искусством дельца вены самия сухая финансовый вы,
 кладки и придавал своим планам убедительность
 и веродостоверность, — своим безумием и смелос-
 тью финансовыми предприятиями довел Францию
 до банкротства. Он — Домонь Ло — с своим ассигнаци-
 онным банком, бумажными деньгами, компаниею
 для торговли с Америкой и заморской колонизации
 выдал денежную горючку во французском обществе,
 которое бросилось во всевозможная спекуляции и
 биржевую игру. Забывая словенную рознь, знаменит
 дань продавали в лавочках на площади Парижа

1) иудовский аферист

акциз компаний, принимая во внимание Бриллианты и
 другие драгоценности. Писатели прославляли Ло, народ,
 и все так же сравнивали его с Мидасом, обращавшим
 все, до чего он ни касался, в золото. Воцарившись же,
 царь этой эпохи доказывал, как именно действо-
 вало пришествие двора на общество. Дворячество пере-
 шло в высшее к себе увлечение, оно заботило много
 более денешный, и озерца головы римского в безраз-
 судные риски сумасбродных спекуляций Ло. Двор-
 цы знаменитейших фамилий сдвинулись приютить
 парков и банкетеров; в 1722 г. было учреждено
 общество любителей театров (académie de jeux).
 Шевазе де Булонь, племянник Тюреттэ, получил
 паче во шесте заставь мивров за остроумную мысль
 давать баллы в театральном зале. Опера и бал-
 лет стали важнейшими вопросами дня. Танцовщицы
 Пеллиссэ, Салэ, Камарго и их прелести сдвинулись
 предметом салонных разговоров и содлаживая,
 иль мадригалов. Взаимная любовь и вярность
 сдвигалась счастливой, тощанской добродетелью. Мужья
 жили с веселыми дамами опера и баллета, жена
 — с интимными друзьями дома. Заглаженный днев-
 ник, Journal historique et anecdotique du règne de Louis
 XV), который вел адвокат Барбэ с 1718 по 1762 г.,
 во всем отношении окровенен до конца.

Когда пароксизм обиды безумия сменился радостью, робаксией, когда колчанамид оказалась несообразною, вельсали сдвигать бумагу, и началось разорение для до-
 втерливой массы, на „сисзему“ (как называли видны-
 ки Ло) посыпалась проклятия. Они в счастливой сцене
 расширились и на регента, который своего санкционста
 поддерживал несообразное дело. В той поре личность его
 сражались предметом всевозможных обвинений, мног-
 да удивительных и ни на чем не основанных. Произве-
 дения, выразившая эрозь поворожь общесубъектного митинга,
 поднялись до чрезвычайного рязкого тона и дошапты
 независимости. Малозубный доволн Лагранж-Шан,
 сел, вспоминая Демосфена и его филиппики, на-
 писал несколько суждений по самому уму загла-
 вие „Les Philippiques“ прямо направленных против
 регента. За первое же изречение он был брошен в
 тюрьму, бросался ограда, скитался и, приблизившись
 ко франции, снова принялся за свои обвинения. Подъ-
 вливание озлобления в регента не озадает и слобда
 президенту либерализма; он безцеремонно, темь когда
 либо, отдавал разлучной жизни и жестоко озламя,
 валь оппозиции, — а она темь временем все кртыла
 и объединялась. Возникали политические клубы, сало-
 на получали значение цензурови общесубъектного мити-
 нга. В двурь магалъ оръ дворца, на анфресолъ (большаясь)

большого дома стало собираться по вечерам итсколско
 едитомышленникова, прозвавшими свои собрания
 (как мы уже слышали) le club de l'entresol, обидчив.
 тиль д'ансьеви правительсства, средства основаны прав,
 священное падение обидсства, жемарелный реформы.
 Число членов возрастало, съ временем времени на
 адресовъ стало подвладеть провинциальный литература,
 президентъ бордоской судебной палаты, замощаженно
 развизой, ходъ съ прибавками издалованного барона,
 баронъ Секонда де-ла Бредъ Монзескэ. ✗

Производство французской просвѣдительской
литературы.

Введение.

Французская литература во время царствования
 бани Людовика XIV.

То, что въ последние годы Людовика XIV и во время
 регентства медленно, но постоянно приговивалось,
 стало результатомъ, или подвдилось, вь сере,
 динъ XVIII столетия. Съ 1748 года выходятъ знаменит.
 ный произведения Монзескэ, Вольтера, Руссо,
 Дидро. Возды новая идея, новая надежда, новая дви,
 сенид. Въ царствование Людовика XIV литература раз,
 вивается почти въ полномъ согласии съ государ,
 ствомъ и церковью; теперь она — литература — стала въ
 существе кризисомъ — кризисской, насущаженной и

озризаемой. Она пресекает путь абсолютной власти, она становится воиновенной, она обращается к нас, сама и обосновывает до сих пор неизменною власть влиятельного общего мнений. Кто следил за обрусевшими, после разгрома Франции во царствование Людовика XV, зорь знаешь, что управляли интеллигенцией страны и народной массой на основании безконтрольного самодержавия и безапелляционного произвола сдвигалось не, мыслимо, особенно во виду велика злоумышления власти, привилегированности сословий, правящего распада среднего класса и невидимого гнета, невидимого на крестьянах и рабочих. Положение этой массы производительных сил и ее отношения к классам, ничего не производящих, а только потребляющих народное богатство, скопленное похотью и кровью — были поистине ужасны. „Старый порядок“ был гудовичев, возмущенный и допущенный быть руд, куры. Ни монархия, ни дворянство, ни духовенство не думали ничем облегчить этого невозможного положения — и все государственным силой рудили при наступлении кризиса, не имея опоры в народы. „Послать меня — ходя похоть!“ говорил Людовик XV — и похоть хлестнула, заливая факками крови алтари и фронты. — — —

Теперь позид опять находится на заднем плане.

или охотно сдаться на службу (у науки; но наука
 стремилась к тому, чтобы ее учения и образ мыс-
 лей стали непосредственно основой церкви, государ-
 ства и общества, стали определяющими факторами
 всей жизни. Но для того, чтобы какая-нибудь идея
 была воспринята обществом для того, чтобы она полу-
 чила распространение, чтобы она приобрела влиятель-
 ных сторонников и горячих последователей, необходимо
 одной идее. Необходимо, чтобы она соз-
 давала общественному настроению, чтобы она
 затрагивала нужды и потребности общества, чтобы она
 опиралась на материальные интересы. Извне-земной идеи,
 извне-земное литературное направление может обладать
 силой под условием извне-земного расположения
 самих людей. Понятия, доктрины могут быть иде-
 ны, возвышенны, прекрасны — и эти же не менее
 гибнут, пропадают в обезличенности; проповедь может
 раздаваться подобно гласу вопиющего в пустыню. Во
 время-то и заключаются трагизмы человеческой истории,
 это истина, поскольку она истина, поддается очень
 редко, вопреки латинской поговорке „vincit veritas“:
 ей трудно пробиваться сквозь ^{массы, и она} толщу обще-
 ственных интересов. Для успеха извне-земного ли-
 тературного направления нужно, ~~в обществе~~ чтобы оно
 имело в обществе восприимчивую почву, чтобы оно

1) См. „Поддержка Ивана А. И. Герцена.“ — Ср. и „Вольфганг и его братья“
 А. Шахова стр. 152.

намно материалъ для соображеннаго горения, нужно взаи-
 модѣйствіе общества и литературы, идей и общественной
 практики. Изучая литературную историю Франціи въ
 XVIII столѣтіи, мы находимъ именно такое взаимодѣй-
 ствіе, тѣснѣе связь между литературой и сурректіями
 самого общества. Просвѣдительный поидѣй надно ^{информации} ~~вѣдн~~
 разоренъ обществомъ, развивающа и расширяюща
 въ немъ съ необыкновенной быстротой, овладѣвающа
 умами всѣхъ образованныхъ людей. На книгу просвѣ-
 дителя откликается общество, книга попадаетъ въ домъ,
 носомъ прочево, усиливаетъ броженіе, которое въ свою оче-
 редь возбуждаетъ новыя драмы, порождаетъ новыя по-
 сѣдательскія сочиненія.

Ученія волюнтаристы различаетъ по всему образо-
 ванному обществу, иль книгами записывалась охъ
 тала до велика вѣсѣ, забывшіе книги и интересовав-
 шіеся литературой; отъ нихъ спорили, судили и рѣ-
 дили во вѣсѣхъ салонахъ, въ кофейняхъ, на улицахъ.
 Литература сдѣлалась озрамной силой, литераторы
 стали во главу всего общества. Броженіе все увеличи-
 валось и завершилось наконецъ революціей.

Посмотримъ, какія же условія въ самомъ фран-
 цузскомъ обществѣ того времени содѣйствовали разви-
 тію и распространенію просвѣдительской литературы,
 на какія общественныя сурректія она была оубаждена

и похищениями...

Известно, что средневековое государство распадалось на три сословия: на духовенство, дворянство и разоря (roture), т.е. горожане и крестьяне (roturiers). Последний класс, т.е. разоря, иначе назывался третьим классом (tiers-état), производилось из первых двух, находился в подчиненном положении, не пользовался ни юридическими привилегиями, ни политической общественной ролью, которая принадлежала духовенству и дворянству. Дворянство, по мнению средневекового общества, служило своей кровью, духовенство — своими молитвами, разоря — своими пятидесятью. На третий класс падала вся тяжесть государственности повинностей; он нес все бремя налогов.

Каковы были взаимные отношения этих трех общественных слоев в XVII веке, лучше всего видно из прений, которые подняты были во время парламентских выборов в 1614 г. По поводу возникших недоразумений герцога, орадера третьего сословия, заявил следующее. Три сословия подобны трем братьям, делящим одну материю — Францию; духовенство — старший брат, дворянство — второй брат, разоря — третий брат — меньшой. Третий класс признает, что дворянство стоит выше его на иерархической

искусника, но дворянство должно также признать, что
зрелищ класс его братья, оно не должно почитать его
за ничто, презирать его; часто случаясь в семьях,
что старший брат разоряет долгу отца своего, а мень-
ший снова воздвигает его. — ✕

На эти соображения любушанского оразора приви-
дированная сословия отзывали негодованием и
горькими талобами. Баронет Ренесе, отъ лица дворянъ,
объявилъ королю: "Третьи классъ соединяетъ изъ горожанъ
и поселянъ. Поселяне почти все подчинены власти
и юрисдикциі высшего сословія; горожане, это — мы,
шляхты, купцы, ремесленники и чиновники. Мы эти-то
люди слободы равняются съ нами. Я ощущаю, Государь,
повздоритъ это выраженіе, которыми они насъ недавно
глубоко оскорбили. Они называютъ себя нашими брать-
ями. Въ какое же низкое положеніе низъ,
веденъ мы, если слова эти справедливы. Неужели
заслуги, съ незапамятныхъ времени оказанныя дво-
рянству, наследственнаго почести и званія могли уни-
жить дворянство до братскихъ отношеній къ подлому
люду? Воздайте, Государь, намъ справедливое, напои,
ниже мы объ ихъ долгу." Дворяне повздорили за своимъ
ораторомъ: "мы не хотимъ, чтобы синовою сапожники,
ковъ и башмачниковъ называли насъ братьями. Неиз-
бу нами и нами какая же разница, какъ между

господами и слугами. Возь что говорилось в начале XVII столетия, в 1614 г. Они робко жрези класс в то время забывая свои права, покорно они просили себя епископидеи; но привилегированные чины и слуги не хотели о каком-нибудь епископидеи. Они прямо забывали себя господами и видя в то, деля жрезиго чина своих слугицелей. —

Толпы чины через 150 лет после этого, во второй половине XVIII века, в 1788 г., ввела грошовай Брошюра Ресса О привилегиях. В заключение автор привел речь барона Венеса и присоединил к этой речи знаменитую цитату из Платона Ливид: „губернаторы вы, в каком презрительном вы доелы чинете? Де, иль было возможно, они озидали бы у вас часть солнечного света. Они приходят в негодование, что вы думаете, что вы говорите, что вы ильете нечеловеческое подобие“. За эти полтора века измѣнил, ед жонь. В 1789 г. жонь же чиний автор выпустил знаменитый свой памфлет под заглавием: „Что такое жрези класс?“ — Возвращая на это знаменитое: жрези класс есть все, это — цитата французская нация. Возь как теперь измѣнился жонь и сознание жрезиго класса: из младшего брата, который они почитали себя президе, они преобразились во цитату нацию, стилизились, проникая сознанием своего значения

и всей массой грозно требовать себе нового юридического положения.

XVIII столетие и есть эпоха усиленного роста урбанизма класса, впрочем — не всего класса, а его верхнего плеча. Третий класс обнимал все непривилегированное население, как горожане, так и крестьяне. Но в нем существовало ~~множество~~ множество подразделений, определявшихся родом занятий и, главным образом, степенью зажиточности граждан. Верхний класс, который в XVIII столетии все больше и больше проникался сознанием своего государственно-значительного, создал из более или менее зажиточной буржуазии; низшие классы создавали ле репле (народ). Возьмем за более или менее обезличенную буржуазию и обладающую во второй половине XVIII века историей и поэзией, нечто завоевывающее себе преобладающее значение в обществе. Рядом образуют внимание на два крупных факта в истории буржуазии XVIII века: 1) на развитие ее экономической мощи и 2) на устойчивость ее во универсальности отношений, в образовании.

Богатство буржуазии возрастало вместе с развитием торговли и мануфактуры. По мере того, как торговля становилась все больше и больше широкими размахами, по мере того, как совершенствовалась промышленность и техника производства, должно было

усиливается значение класса, во руках короля сосредото-
 чивалось все предприятие. Земледелие зерно во
 общественной экономике первенствующее значение.
 Земля принадлежала тогда главным образом крестьянскому народ-
 ного богатства, и класс феодалов-землевладельцев
 постепенно срабатывался и заживался классом про-
 мышленников-капиталистов. Особливо пошло Колю-
 бера (Солвет, генеральный контролер финансов, швед-
 тин с 1619-1632.), действительно оберегавшего интересы
 промышленности и покровительствующавшего торговле,
 движимая сообразностью приобретала громадное зна-
 чение, и обогащение буржуазии шло через политические
 шаги. Мраки, средний класс обогатился промыш-
 ленностью. Выгоды и прибыли ^{торговли} увеличивались. Теперь
 мы находим в ^{высшем} ~~французском~~ классе некое богатство,
 хоть и пренебрежительно, но в среднем-большом, и это
 самое обстоятельство уменьшило разрыв между
 людьми. Капитал становится силой.

Выше с точки зрения буржуазия запасается знаниями
 и умственными развитиями. Дворянство издавна пре-
 небрежало наукой и книжными делами. Даже в
 XVII веке мы находим великого, как Монтаньон,
 который мечтал о том, чтоб вовсе не было книги,
 чтоб жили на свете одни господа дворяне и за-
 нимались бы военными делами. Буржуазия долго

задержали въ пертошь зталъ, ей нувано было учитьса,
наука была для неѣ сначала хлабомъ и средствомъ
къ насаивъ, позомъ сдѣлалася привоимымъ и модою
нымъ заидиель. Такимы образомъ въ среднемъ клас,
съ (tiers état) знанія поедомно прибывали, и буржу-
азія сдѣлалася носительницей образованія. Въ 1789 г.
сзало очевиднымъ, что знанія, необходимыя для денуза-
зовъ, можно найди въ среднемъ класе, и зумъ знаній
лишено громадное болшинство въ привилегирован-
ныхъ сослѣхъ. Серьезнымъ, свѣдущимъ минимуровъ моти,
но было отидъ-таки найди зольско въ среднемъ сословии.
Наконецъ, возмелъ мизерадоръ, просвѣтителъ, фри,
мософровъ. Кто они такое? — Вольтеръ, свѣдѣло всего со-
мъзидъ, — сынъ позариуса, Руссо — сынъ часовщика, Дидро
— сынъ мелкаго провинциальнаго ремесленника, Даламъ-
беръ — пеловокъ безродный, Басзардъ, Гельвеций — сынъ
врача, Ламетзери, Кемп, Тюрго, Неккеръ, Бомарте —
все готичель; иногда попадаютея въ число нильчи,
новныхъ илеса, въ родѣ Мондескѣ, и редко-сзарья
арисокрауическїхъ фамилий. —

Такимы образомъ мы видимъ, какъ въ теченіе
XVIII столѣтїа съ одной сзороны Экономическая мощъ
переходитъ въ руки буржуазии, съ другой — за не бур-
жуазія овладѣваетъ наукой и образованіемъ. Она
сзатовителъ зерномъ всего общезва, и еѣ государственное

значение признается даже самими прозвучавшими. Безъ этого предприимчивого, образованного, подвижного, бѣзпосыпного класса не можетъ обойтись цивилизованное государство XVIII вѣка. Аристокрація озерупила на на второй планъ, духовенство уже давно вытѣснено изъ своихъ рукъ науку и позервило авторитету. Напротивъ, средний классъ становится de facto преобладающимъ, необходимымъ состояниемъ, классомъ самой эпохи, самого историческаго момента.

Такое было въ общемъ чертахъ положеніе француской буржуазіи XVIII столѣтія de facto. Мы видѣли ея экономическую роль и ея умственныя силы. Но каково было ея положеніе de jure и ея нравственное состояніе? De jure, поредъ закономъ, буржуазія XVIII столѣтія была на преисполненномъ положеніи. Законъ по прежнему проводимъ герку между нею и привилегированными классами. Въ сродковеніяхъ, происходившихъ между нею и аристокраціей или духовенствомъ, законъ въ болышинствѣ случаевъ стоялъ на сторонѣ привилегированныхъ слоевъ. На каждаго шагу буржуазія встрѣчала препятствія, становилось лицомъ къ лицу съ препятствіями, монополіями, исключительными правами, козорыми пользовались высшіе классы. Ей было запрещено путь къ позервительнымъ и прибыльнымъ занятиямъ. Военный, офицерскій должности почти

неслучайно отдавались дворянамъ. Доходный церковный
 мѣста — богатая аббатства и епископства — также распре-
 дялись между епископами архиепископами. Въ административ-
 ции всего суккупации созданы были знамя. Трудный слуг,
 особый обязанности, требовавший извѣстных познаній,
 извѣстнаго прилежанія, исправлялись розпорот, а добо,
 даки, пенсийми, наградами пользовались родовитые люди.
 Также губернаторъ — дворянинъ долже получалъ громадное
 жалованье, а собственно управление было въ рукахъ им,
 жандарма, герцога человека, изъ краивнаго стѣпени. Погоно
 также члены древнихъ родовъ, старшихъ фамилий числи-
 лись аббатами и насаждались богатѣйшихъ обителей
 и пользовались съ ними громадными доходами; но они,
 по болѣеи часу, не входили ни въ какія распоряженія,
 вполне игнорировали свои монастыри и жили въ Па-
 рижѣ; реальными аббатами были маленькій аббатъ,
 земной человекъ, шившій на мѣсто, занимавшійся
 управлениемъ и получавшій незначительное жалованье.
 Архиепископъ въ XVIII вѣкѣ получала гудовицкой пенсий,
 кормилась государствомъ и снужала это кормленіе сво-
 имъ природными правами, ^{но} при этомъ была далека отъ
 всякихъ зрудовъ и закъзій. Совокупное веель зръкъ
 пенсий, привилегій, преимуществъ, монополій, козоремъ
 распоряжались высіе классы, созавляла значитель-
 ную долю всего бюджета.

Вся государственная организация эксплицитировалась
 во время родовой аристокрацией, юридически господству-
 ющему классу. Это господство возбуждало в буржуазии
 глубокую зависть, она сознавала свое естественное, чуждое,
 но превосходящее, она видела в своих руках зна-
 менитый материальный средству, и ей открылись глаза раз-
 фракты, что все-таки, на зло ей образованно, на зло ей
 экономическому значению, старые феодалы занимают
 первый место в государственной иерархии, штурм на
 честь государства, давясь своими привилегиями и правами
 низшее сословие... И у аристократии, и у духовенства,
 были свои суды, к ним прилагали особые законы, и
 буржуазия юридически продолжала оставаться в служеб-
 ном положении, которое ощущалось ею только болезненно,
 только болше она сознавала свое естественное превосход-
 ство и свои экономический силы.

Но к этому присоединилось еще другое обстоятель-
 ство. Буржуазия утратила правительство, для нея стало
 вышло неважным презрительное высокомерное
 отношение к ней высшего класса. На протяжении
 XVIII столетия мы находим множество столкновений
 между знати и отчасти общегосударственными породами. Это
 моральное положение сословий не мало содействовало
 революции, и Ривароль, один из современников и
 очевидцев всей бурной истории конца XVIII века, объясняет